

Комсогр
Анна

Бурневская:
ЛЕННИСКИЙ
ЗАЧЕТ У НАС
НА КОМБИНАТЕ

Смена

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 5 МАРТ 1970

ТРУДНАЯ ПЕДАГОГИКА ЗАВОДА

Галактика РЕШАЕМ

РАСПОЛОЖЕНИЕ

丘吉尔与他的时代：从第一次世界大战到第二次世界大战

pp. 25 - year 1960

Подготовленных в цехе № 24 подростков направить в следующие цехи: 11 — 2 человека, цех 15 — 4 человека, цех 21 — 6 человек, цех 25 — 5 человек, цех 29 — 6 человек, цех 22 — 1 человек, цех 18 — 1 человек, цех 2 — 1 человек.

Чаековская вышуканзанных цехов выделить молодые рабочими постоянные рабочие места, обеспечить работой, инструментом и пристройкой инструментом по технике безопасности.

Главный инженер завода

Pаспорожение лежит на столе, сознательно отмечая: в двадцать минут назад я приехал. Разговор был необязательным, что вот интересующийся может ли он мне чего-то спросить.

Комсомол шутливо развел руками, мол, спросите что-нибудь другое, я потом уже серьезно сказал: «Мы не берем. Предпочитаем тех, кто умеет прощать армии». И погасил: «Невыгодно это: взять, отбить, возьмется, а потом с почетом проводить. Не все же возвращаются...» Тогда я сказала, что ему здорово повезло: нет у него на плечах ноши, которую несут комсомол и другие цеха. Невольно, но в моих ноши, произошло осуждение, что он не все. Ото поклонившегося и сказал, что разве он разрешит брату, а брату не будет. Конечно, завод старается распределить плавники, а не братья.

вномерно, но в конечном счете все зависит от начальника цеха. И вот теперь я смотрю на распоряжение и не вижу шестого цеха...

— Невыгодно,— спрашиваю Сергея Максимова, когда он показывает пальцем на балкон.

— Энгель, — отвечает он, — мы сейчас можем сесть и как дважды два доказать, что вообще подростков брать на завод никако, а часто и бесперспективно... Это будет суровая, убийственная арифметика, и она может привести кое-кому по душу. Но мы можем сделать и другое. Тот же арифметикой убедить, что не брать подростков на завод — это себе добре. Мы обещаем им брать и возьмется, даже не только потому, что заводу нужны квалифицированные рабочие, но и потому, что подростки, вышедшие из детства после вселого, после десятого класса, имеют впереди себя неистощимые возможности и способности, что не потребуется им реализовать так, как это надо и разумно, они сделают все на свой страх и риск, в силу собственного разумения или неразумия. Поэтому, когда мы берем на себя и хлопоты по подготовке специалистов, нужного производству, то мы берем на себя и ответственность, куда более благородную задачу — формирования личности. В существе дела, это задача воспитания, воспитания, полученных подростком задолго до прихода на завод. И на начальнику цеха, у которого производство, план, эта воспитательная задача не на прямо попадет горло стоят. Вот и избегают ее некоторые. Был у меня такой случай. Уволил начальник цеха подростка, уволил вопросы существующему положению — создавать для них все условия для работы. Пришел в него объясняться. Да разве объясняться? Сшибись с ним — лоб

— Как же, мод. у тебя рука-то поднялась? — спрашивал

— Как же, мол, у твоих рук-то поднялась! — спрашивал.
— А мы не гордимся, — он мне: Я на место твоего подопечного хорошего специалиста поставил. Он мне 150 «штук» дает, а твой еле 70 вымучивает. Какой ты от меня добродыши хочешь — себе во вред?

Вот и получается, не брать — себе дороже, так сказать, в государственном смысле, взять — себе во вред в смысле цеховом. Вся наша беда, что

мы даже себе не призываем, как ставились вот эти два интереса. Но этого паренка я быстро в другой цех устроил, где начальник помягче, поподладней. А существо конфликта осталось. И каждый раз его приходится решать заново, решать на живом человеке с конкретной фамилией и характером, своим, неповторимым. Один склоняется передох из одного цеха в другой, а другой ту же завод поворачивает. Одни пришли на завод, потому что это его мечта, а другие пришли, потому что в институт не поступили, а еще двоих направят рабынеком, как в последнюю инстанцию воздействия. Все разные, все неподхоже. Нет, проблемы завод и подростки не в цехе начинаются, а значительно раньше.

Сергей Максимов привел три типичные параллельные линейки.
— Это завод... пояснил, показывая на первую, — это школа, а это подростки. Сожалению, до сих пор линии эти параллельные, а значит, не пересекаются. А нам нужно, очень нужно, чтобы они пересекались: вопрос математики. Чтобы приход на завод из школы был путем единственным, а не безальтернативным. Не надо школе специально готовить рабочий, это мы сами должны, надо воспитывать уважение к рабочему труду, и тогда нам не придется в каждом конкретном случае сводить эти параллельные. Наверное, тогда выпускники училища будут давать 100 процентов рабоченоры — легко и безболезненно, а сейчас они дают только 80, потому что им не только надо учить работать на станке, к приходится доказывать, что этот труд не хуже всякого другого. Ну разве не поздно делать это уже за столом?

— Конечно, — смеется Сергей Максимович, — опыт с каждым отдельным подростком обогащает; глядишь, и через сто лет я уже сразу безошибочно смогу определить, кто останется на заводе, кто нет, кто вернёт затраченные на него деньги и усилия, кто останется наследником.

Сергей Максимович, конечно, шутит, может, чуть горько, но это для того, чтобы подчеркнуть: не просто анализировать — как, кто и почему приходит на завод.

Почти все ребята, с которыми я беседовала, в 1970 году уходят в армию. Это развязывает язык, о заводе говорится уже в прошедшем времени, как о хорошем, добром, но, увы, недавно умершем дедушке. Что я хочу узнать от ребят?

Прежде всего, не упомянем ли мы эту прелестную проблему подростков, так ли уж действительно трудно соединить в однис точке три линии, три интереса — заводской, школьный и интерес конкретного Петя? Нет! Не фантастизируем ли мы эту загадочную душу подростка, воспетую и про��ленную одновременно? В этом микросоединении мне помогают работы Тульского оружейного: Леща, Володы П., Таня Н., Надя М., Валерий С. и подростки из Московского первого подольшинского завода Володя Ж., Боря Т., Саша А. Шесть юношей и две девушки. Все они очень по-разному выражают свою любовь к своему делу, к своему будущему. У всех разные планы на квербер три года и наше будущее. Из трех юношей навсегда с рабочей биографией связывают жизни одни, на путь юношества остаются на оружейном побираются двое. Из остальных планы пестрят — от мечты стать военным летчиком до изящного жданка пеструюшим сплющенными склонениями. Что же, каждого свое. Я вернусь к их пестро-романтическим желаниям, а пока остановимся на тех, кто предполагает синичку в руке — хорошую рабочую специализацию, постоянное место работы, устойчивый заработок и стабильность, ту самую стабильность, которой

Итак, трое из восьми

Итак, трое из восемь.
Был подростком, мягкий, осторожный, сразу не поймешь, то ли это у него в характере, то ли это лаконичный способ не раскрыться, не убеждаться, что ты от него отталкиваешься, что он опасен, что он опасен для опасности. Володя очень плохо учился в школе, но из-за лени — просто не давалась ему премудрость, заключенная в супфиксах и особняк, в неуклюжем, неделепом, рожком, на кочке, в стекле.

плоским перфере. Но если быть честным до конца, и все осталось, обезвоженное, как фотографии, номерами, упражнениями и задачами, уходившими в голове неизменно и как-то неразрывно: вроде и голова пустая, а ничего в нее не лежит, а отсюда — сплошные напрятанности. Вот тогда-то и появилась в его характере вот эта — мягкая осторожность, нахалом было у него не получалось. В сущности, ум в пятом было ясно: надо идти работать. Но это только со стороны все ясно. А тут родители: да что ты у нас, хуже других? И учитель: да он вам каких-нибудь из старательных. Так и дотянули парня до седьмого. А потом с руки передали подшефному училищу подшпионского завода. Каждый год ведет училище тяжелую подготовку к войне по штатам. Давно они поняли, что обработка придет к тому, что Володя, хороший, старательный парень, не поддается с наукой. Но как труднее, как усложненнее его естественный путь в училище! Школа его не отдает, она берется за него, за его пребывание в классе. А потом через какое-то время высмеивается: она боролась не за него, а против него, потому что два года в шестом, два года в седьмом — поди побуди посчитай, чем это чревато! И озлобленностью, и комплексом неполноты, и стремлением утвердить себя хоть в чем-то, если уж не получилось в учебе. Это — что-то потом фиксируется умы милиционеров. Ну, с Володей этого не было. Он бледнолицо попал в училище без документов. Проводил его в школу один из выпускников, который он знал: учительница и теперь, закончив восьмой классов, получил специальность наладчика и теперь, неплохо работал. Володя и после армии собирается вернуться на «Шарик».

Что же характерно для истории Володи, что показательно в его приходе на завод, в его стремлении оставаться рабочим! Прежде всего завод, свободный Володю от комплекса вины, которую он постоянно испытывал перед учителями, то первые родителями. Он, делавшийся, робкий, вдруг ощущал свою человеческую нужность и ценность, свое место, где он и умел, и умен, и способен. Разве этого мало? Ему ставили задачи, и эту уверенность в себе, в своем месте, ему давали. И он, вспоминая, через годы, он убежден, что на заводе, на своем месте он обязательно вернется снова — нет пока на земле места, где бы ему было так хорошо и уверенно. Но этот, так сказать, оптимальный вариант отнюдь не единственный.

Валера, узник, нескладный, с постоянной неудовольствием умешкой — не очень добродушный, но и не злой, улыбкой парня «себе на уме». Он из хорошей семьи потомственных рабочих, в которую не проникла весьма распространенная религия нашего времени: мы жили трудно, мы рабочие, в детях наши пуск живут легкие, без забот. Валеру воспитывали интеллигенты, учительницы, заведующие восьмым классом, получив специальность наладчика и теперь, неплохо работают. Володя и после армии собирается вернуться на «Шарик».

— Я пришел в цех, светло, чисто, и стакни такие красивые стоят. За ними работать хочется! — объяснял Валера потом.

И он пришел сюда работать. Ему не помешала привличка успеваемость и десять классов за племчики, он приложил не только и ровно к своей работе фрезеровщика. Не было противоречий, никаких душевных колебаний, все у него было просто и естественно, и, глядя на него, невозможно было вспомнить другого парня, с которым в как-то познакомились. Благодаря тому, что он был узником, он, конечно, стал интересен. История рассказывает: попал в очень прославленную бригаду после десятого. Вот приобщается, присматривается. А затем ему торопится! Все равно скоро в армию... И хорошая бригада, беспощадная ко всяких попыткам жить вразвалочку, синхронительно, даже как-то любовно терпела это дитя. Ему прошлось все: лени, долгие перекуры, «разговорчики в строю». Он, десятиклассник, был туя баловнем, а старый мастер, лучший специалист в бригаде, робел перед ним, что белорусу ясно кравильши. Я далек от мысли, что все работают, бывают и совсем иначе — «плохиши» такого мастера, скажут «пошлиши». Что ему на это скажут?

Валеру «послал» в армию. Он начал бояться десантистской — в наше время, когда не завоевано, но и не пытаешься синхронизировать себе цену. То, что он знает и знает; то, что приходится усваивать уже здесь, делает спокойно и основательно. Рядом с ним те, у кого восьмой классов, семьи и даже шесть — ну и что! Это же им хуже, а не мне! — говорит Валера.

А потом вдруг я представила его в школьном президиуме на вечере встреч. Его, рабочего, обязательно посадили за красную скатерть. Я представляла это, и мне стало обидно. Какими «производственными успехами» будут удивлять друг друга два встретившихся учителя? Высокой склонностью по своему предыдущему. Учительница гордилась своим рабочим, обязательно обзывающим ее «учеником», своим учеником. Он склонялся, стоял-то моргах ребят поступило в МФТИ, а другой пожавастялся, что его ученица на экзаменах на фильмах МГУ по сокращению получила пятерку. И это закончина гордости, ее нельзя отнять у школы. Валере же остается место в президиуме, заведование ставящее его в какое-то особое положение, не для всех. Вот это-то и обидно.

Впрочем, президиуму президиумом, это когда еще будет, а сегодня, если пятиклассники получат двойку, может быть уверены: в самых случаях из десяти ему, горемыке, скажут: «Одна тебе дерога — на завод». И не так уж беззодны эти слова. Они опасны не своим влиянием на конкретного двоичника — это дают, не самовыражением, а с помощью атмосферы, которая создается интересом к работе на заводе. Помните поговорку, которая рисовалась начальником учебного цеха Тульского оружейного завода Сергеем Александровичем Миниавет. Школа сама по себе, завод сам по себе, а ребята, которые все-таки приходят после школы на завод, приходят работать не благодаря школе, а частично вопреки ей.

Всем ребятам, с которыми мы довелось беседовать, я задавала один и тот же вопрос: как школа помогла определить рабочую судьбу. Ответы были стереотипными и бесцветными: «Ну, водили нас на завод», «Ну, практику там проходили...» И только одну девчонку провожала школа на завод звонкованием и занитересованно — Надя А. Надя завода никогда не видела. Ее провожала деревенская школа.

...У нее большие, крестьянские, руки. Пальцы крупные, гнегущиеся, а все время в движении. Вот катает в ладонях караиды, вот старательно складывает носовой платочек в четыре слоя, а потом так же старательно разглаживает на широком колене. Надя считает, что ей удивительно по-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 5 [1027]
МАРТ
1970

18

«РЫЦАРЬ
КРАСОТЫ».
ОЧЕРК ЕЛЕНЫ
МУШКИНОЙ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
РАБОТЕ
ПАРИКМАХЕРА.

НАША ОБЛОЖКА:
КОМСОРГ ЦЕХА —
КРАСНОХОЛМСКОГО
КОМБИНАТА
АННА БУРНЕВСКАЯ.
ЕЕ РАССКАЗ
О ЛЕНИНСКОМ
ЗАЧЕТЕ
ЧИТАЙТЕ НА СТР. 1—3.
Фото
Альберта ЛЕХМУСА

8

«НАБАТ ХАТЬИН». РЕПОРТАЖ О МЕМОРИАЛЕ ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА В БЕЛАРУССИИ.

21

«ВОЗВРАЩЕНИЕ С «ТОГО СВЕТА». РЕПОРТАЖ ИЗ ИНСТИТУТА ИМЕНИ СКЛИФОСОВСКОГО.

28

НАДЕЖДА ЖЕЛЕЗНОВА. МОДА ВЕСНОЙ, ЛЕТОМ И В БУДУЩЕМ ГОДУ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ТРИ СТРАНИЦЫ
ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА

«ТВОЯ ПРОФЕССИЯ». ДИАЛОГ С ГЕОЛОГОМ

НАВСТРЕЧУ XVI СЪЕЗДУ ВЛКСМ.
КОМСОМОЛ И СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

«ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ!». РЕПОРТАЖ ИЗ МОСКОВСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошини, Р. Ф. Казакова, А. П. Купешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Лукин [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стумов [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будинина

вездо. Приехала после восьмого класса и сразу устроилась на завод. У нее профессия фрезеровщица. Вот поработает немножко, поступит в школу мастеров. Осуждаюю качая головой, она рассказывает мне о девочке, которая вместе с ней училась «на фрезеровщицу», а ушла потом в контролеры: показалось трудно. Разве же это трудно? Так все понятно объяснила. А если и устремишь, так ведь приятно как от такой усталости!

Итак, трое вливались в рабочий коллектив. Я подчеркиваю «валились», потому что остальные пятеро на сегодняшний день тоже числится рабочими. И только «числятся». Но завод приток, который идет из деревни, из по-томственных рабочих семей и неспускающихся в школу, все-таки люди. Люди нужны еще и еще, поэтому приходится задерживать, заинтересовывать тех, кто уже работает, но в любую минуту готов уйти.

В нашей истории их пятеро. Кто же из них поддающийся, кого способен заинтересовать завод, чтобы сесть на него и рассматривать его как землю как историю страны, будущее? И существуют ли вообще в природе эти заинтересованные средства, способные перебить пока еще эйзное желание летать, врачевать, учить детей?

Вопрос это не праздный. В подщемешком училище подшинникового завода недорог. Значит, не обеспечит он потребности завода в рабочей силе. Каждый год с почетом отправляют заводчане парней в армию. Далеко не все потом возвращаются к тем, что им провожали.

Вот я и рассматриваю мои пятеры знакомые, только с одной точки зрения — могут ли они работать на заводе? Я сажаю на заводе девулю Лилю Шев. Он смотрит, пришел на завод из детского дома, завод одел его, обул, дал общежитие. Завод опекает Лешу, как может. Что, кстати, не помешало тому уже сбрасывать разок из своих опекунов. Ну, отнесем это за счет молодости. В сущности, у парня ничего нет, кроме завода.

А вот Бориса уговорить нельзя, хотя из всех ребят он в своем семнадцатилетии зарабатывает больше всех — 150 рублей. Соблазнил его военношоферской профессией, он последние месяцы перед армией и сам на рабочем месте мучается. Борис — хороший парень, но он не знает, как ему жить на заводе, потому что никак не может он найти линии пересечения своей мечты и спасенной работы, которой занимается.

Вот Таня находит эту линию пересечения. Она поступала в училище прикладного искусства и не прошла по конкурсу. Закончила профучилище по гравированию. Завод ее покорвался; казалось бы, все хорошо; так нет же — все не может она выплюнуть себе ворота. А начальница цеха, к которому она приходила с этим вопросом, сказала ей задушевно и по-отечески: «Шла бы ты, Таня, в контролеры». Плохо работает девушка? Да проще некуда. Таня — хорошая девочка. Контролер — это профессия. Доселе она не многое понимала в цехе, поглядывая на девушку, которая рисует красово-красивые натюрморты, решая, что она в цехе все равно не хуже. Стоит ли клопотать, если она через несколько месяцев все равно уйдет. Сложится по цеху девочка, а верстак, удобный, вполне света, он даст стабильным, с его субъективной точки зрения, рабочему.

Пятью в нашей компании: Саша А. Подлинный, чистоплотный, сдержаненный, пять минут меня ждал, а уж достал книгу, читает. О заводе говорит удивительно. О школе тоже. В армии идет охотно. После армии собирается вестником работать в газету, говорит, что не знает, как стать журналистом. И мне от руки покорвалась, а вот в то, что он отстанет на заводе — не верю. Парень по разумению, по знаниям пересор своих товарищей. А ему только семнадцать, и он тянется, тянется вверх. Наверняка будет инстинкт, и для него это правильно, а может, будет общественная работа, которая заставит его делать что-то более глубокое, более объемное, чем сегодняшняя профессия шлифовщиками. А то, что он говорит, будто останется — это плюкство сегодняшних парней и девчат. Ну зачем раскрыться перед полузнакомым журналистом?

Завод испытывает очень большие деньги на подготовку молодых рабочих. Тульский оружейный завод потратил на подготовку подростков в 1967 году 45 351 рубль. Это очень большая сумма, которую труд молодых рабочих в течение года покрыть не сумел. Не сумел и из-за их недостаточного профессионального уровня, и из-за того, что не всегда подростки используются рационально, и из-за текучести. Кого это волнует? Будут бы всех. Но вплотную проблемам молодежи на Тульском оружейном заводе занимаются два хороших человека: Сергей Григорьевич Минеев и инженер по воспитанию Серафим Васильевич Сухов. Им досталась чисто педагогическая работа, и поставлены они ее на собственных ошибках и победах, часто для них самих необычайных. Вот и прибегают они по наитию к тем формам воспитательной работы, которые используют школы. Прогулки смены — позови-ка маму. Озорнику это не страшно, умному — смешно. Вот и выросла смена непонимания. И тесятся подчас за нее, т. ч. не место за станицами, т. к. с тем не успели, не сумели поговорить и правильно сформировать «эрэслье». Дело в том, что это не под силу. А заниматься этим попутно грешно: слишком велики потери. Заводу же нечего делать, и еще. Вот, помалуй, на них не нужно жалеть денег. Пока приходится иметь дело с семнадцатилетними, заведу нужно педагогическое образование.

На подшипниковом мне рассказали: учащиеся проходят в цехе практику, им приходится делать то же, что и рабочим. Рабочий получает, к примеру, 120 рублей. Ученик же существующему положению — только третья часть. В этом есть резон — они находятся в училище на полном обеспеченности. Ни то, ни другое — только-только ребята догоняют своих учителей, они начинают лениться. Эта вот пресловутая «третья часть» начнет на них психически действовать, и они начнут бояться, приблизиться ученику зарплаты, выпустить из его стакана какие-то добрые слова — и все приходит в норму. Казалось бы, нетрудно додуматься, но додумываются не все, разве придет в голову, что пятерка эта имеет чисто символическое значение, что главное все-таки в психологическом начинании работать, в том обязательном «заметити», «сомнении», без которого нет вообще воспитания. Да, наверное, и не только в этом деле. У завода трудная педагогика. Ей сейчас особенно нужны люди мудрые, спокойные и знающие.

ТУЛА — МОСКВА

ВОЕННОЕ

ПОЭМА

Магомед-Загид АМИНОВ

ЗА РОДИНУ ЖИТЬ ОТДАВШИМ ПОСВЯЩАЮ

Я с малычишками в бабки играл.
Синий в синем же я сидел на скамье
и смотрел — мальчишки в белом же
и синем на землю смотрели.

И старуха соседка меня
Обнимает рукой узловатой,
Будто хочет укрытия от огня,
И от зея вони, и от чада.

Что же сделан я, в чем виноват,
Почему же я синим скрывают?
Мир для горя вдруг стал маловат —
Мир для края наполнен бедою.

Сирота!.. Ходят мати в сельсовет,
Там я пенико молча считаю.
Снег, упав на нее, словно свет,
На лице помертвевшем не тает.

Снег, сверкающий, как искрами,
Обнягивает ребачьи падони —
Я колосы в полях собираю,
Пас телят на подвертневшем склоне.

Сразу взрослою сделалась жизнь.
Переходя я и не заметил.
И друзья мое все разошлись
Далеко-далеко по планете.

Мать одна на крыльце. Смотрит
вслед.
И печаль на лице ее тонкая:
Муми, которого больше уж нет.
Вдруг представь перед нею ребенком.

Он ступает с того же крыльца.
Он выходит на тропу все ту же.
Голос быты, позываний отца,
Стих. А мальчик становится мужем.

* * *

Из-за дальних и дымных вершин
Дин входим в вул друг за другом.
И встречают их я, вонза сны,
То с надеждой, то с тайным испугом.

Грохот в небе стоял по ночам —
Самолеты чурне погибли.
Я хан тени во тьме различал.
О, как я ненавидел те тени!

Только грохот враждебный и тьма
Заглушили были все же не в силах
Пеняя плачущими, что с ума
В эту страшную пору склоня.

Вот синий в погоря один.
Вечерает и мучает голова.
Ветер падает с близких вершин
И приносит тревогу и холод.

И лепешки, свой складный обед,
Отдает мне и смотрят, как ем я.
Смотрят так, словно взглядом от бед
Прикарзывают меня и всю землю.

Этот плач этот крик, этот мой
Леденящее сердце, и мама
Укрывала меня с головой
И сидела, как синечка, прямо.

И я слышал, как мышь она.
И в этот вздор пододпается пенька.
И, хоть песня совсем не спыша,
Я живу только этим мгновением.

«Спн, сыночек, спн, малец! Повзрослеешь до утра.
Возвратится твой отец.
Возвратится бы пора...»

Возвратится твой отец,
Привезет он монманье.
Спн, сыночек, спн, малец,
Звезды спят... Успиши все...»

О, еще я не раз повтори
То слово, как монманье ко мэ.
Жизнь наша, победной зари,
С той зарей беда наша гниет.

* * *

Тайный стон материинский несущ
В сердце, словно пронзенный грохотом.
Я однажды лишь видел следу.
Сколько лет я толкался той следу.

Что за тяжесть, родина, моя
Эту калепуль выдавать все же!
Если путь подстерегла —
Боль и в детях останется тоже.

Нет, родина, не плачь ты —
Улыбнувшись, что чудится сину:
Треугольники серых листы
Тают быстро, как тонкие лыдни.

Что твердил, что срок недалек
И отца и увидеть сину.
Я бросалась стремглав на порог,
Но за дверьми лишь ветры шумели.

Я все думал, что это мига.
Я был мал, Ты прости, слишком
поздно
Осознан, как была ты добра
И как страшно с тобою быть розино.

Этот веял был невнятном помы
Малышу, Я смысла, зато акал
Мир. Тогда я не знал: коротка
Ты пора. Я смылся... Нет, плаака.

* * *

Вот синий в погоря один.
Вечерает и мучает голова.
Ветер падает с близких вершин
И приносит тревогу и холод.

На подворье коровы мычит
И, навязчиво, охает сны.
Мать приходит в глубокой ночи
И приносит травму для коровы.

И лепешки, свой складный обед,
Отдает мне и смотрят, как ем я.
Смотрят так, словно взглядом от бед
Прикарзывают меня и всю землю.

ДЕТСТВО

25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

9
мая
1945

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Мы учились. По черным вестям
Наши черные перья скользили.

Кто же может теперь пренебречь
Тем, что дети тогда начертали!
Пробуждаются разум, и речь
Посыгает на дальнние дали.

Собирали металли как-то раз
Для войны, медь — звонка в кулах.
Блюда все отдавали и кастрюли.

И висела у нас на ковре
Сабля длинная, разрезаны
Мы касались ее. В сентябре
Мать сняла ее.

«Редкостной стали»
Эта сабля, — сказала она
И снесла ее со щеки лома.
День пришел — и сидеть скакуна

Мать взялась возле нашего дома.
Белый конь вился белым огнем,
Кто же вновь понесет меня в горы!..
«Наш отец возвратится на нем, —
Мать сказала, — конь сильный и
скорый!»

Я вспомнил в ногах у коня
И поводья держал, и разлуки
Я больше сильнее огня
И страшись разэтать свою руки.

Бог уж волоком в волочусь
И забытья слезами не чайо,
Упускаю поводья — и грусть
Бьет, как будто весь мир упускаю.

В каждом камне танцует звезда.
Боль и гордость во мне и великий
Строй; я глупым был очень тогда,
Когда мать мне крохки чарыки.

Это писано мне на роду.
Кровь отцовская мчится по жилам,

Мама красную взяла звезду,
К синей брачной сумке пришла.

Она сидела в одеяле из пуха.

И папаху отца на заре
Мама с руками, рукопашницей,
И спящими ее в сентябре
Мне казалась звездой горящей.

Были красными контуры скак.
Облака шли, как рыбы, мыры.
Нас гордый учитель встречал,
Добротою своей озаряя.

Не забыть эти первые дни!
Разводим чешуя из сажи
Мы с ребятами, чтобы они
Буквы первые вились тогда же.

Эта черная сажа война.
Вноградиум наша на крыла,
В наши души проникли и сны.
Нас от черного цвета занесло.

Из газет мастерил, помню, сам
Я тетрадки, друзья. Так мы жили.

И блестят от росы колея,
И спокойны леса и вершины,

Материнское сердце болит
Так же болью, но так оно быть,
Словно сыну вернуться велит.
Сын вернется. Но мухи летят версией!

Мать отцовские письма хранят
И читает, на память их зна.
Рот ее напряженный открыл
И зажег, как раны сквозняк.

Молчанина слова скажи,
А за словом стоят материнским
Дни терпения, цепь жизни,
Край спасенный — живым обелиском.

Как солдатские эхены смогли
Все снести в ту лихую годину!
И пасли, и колпаки, и шапки
Камень бить, и кляли судьбину.

И пахали и сеяли рожь.
И писали, смирия усталость:
«Хорошо мы живем...» — эти ложь
Шла на фронт и святой оказалась.

Наши матери — истина гор,
А они не подавлялись и глядело!
Это вы мне открыли простор,
Научили сердечностью.

Синовья ваши где-то вдали
С вещицами шли с фронта, сутулы,
Не мешки вы на спинах несли —
Вы несли, не сгибаясь, аулы.

Вам пророческий голос в почах
Был — и шли в поля на рассвете.
У героев ремни на плечах.
А на ваших плечах были дети.

Мать все помнит, но только она
Слова ауле о прошлом не скажет.
А над горами стоит тишина,
И вершины застыли на стране.

Мой ровесник! Отец если твой
Жив, то ранам его поклонись ты!
Твой отец рисовал головой,
Чтобы мир наш жил светлый н

чистый.

Мой ровесник! Проходит межа
Межу злом и добром вековая.
Нам пора у того рубежа
Встать, собью добро прикрывая.

Мы всегда памятуем о том,
Чем мы дели; и день начиняя,
Мы его заполним трудом,
Словно кузов зерном урожая.

Мать растяла. Но Родина нам
Тоже матерь стала, ровесник,
Подорожник стекла к ногам,
И корылья, и пела нам песни.

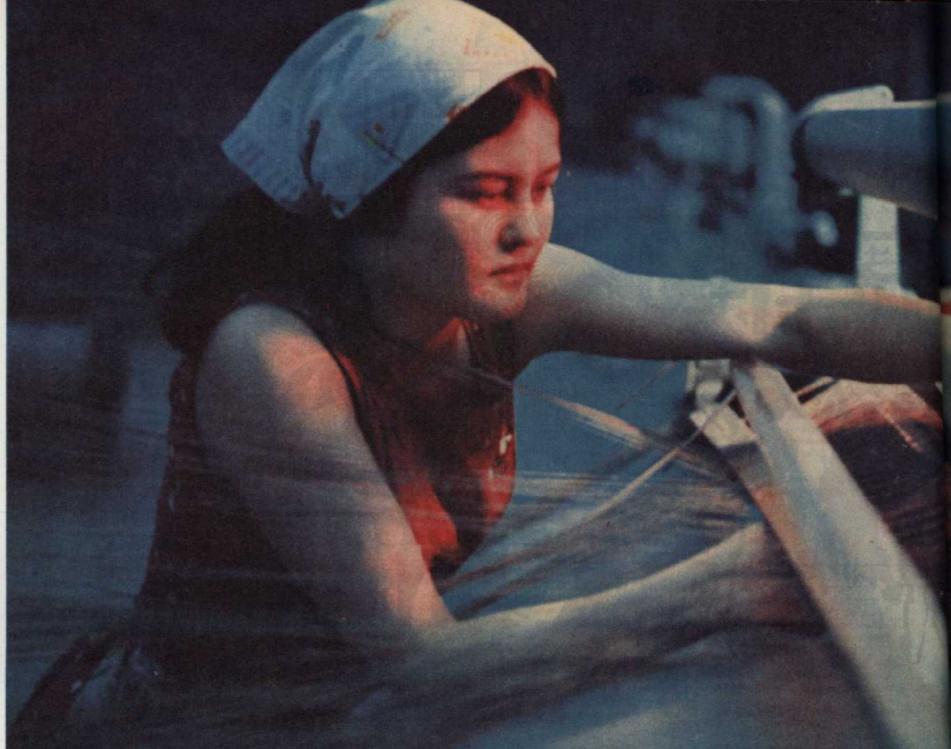
Поколение наше, мой брат,
Понимало уже с малолетства
Жизнь как первую из наград.
Принимало военное детство.

Что нам слава, к чему нам она?
Ради славы отцы наши, что ли,
Шли в огонь и, шепча имена
Наши падали замерзло в поле!

...И когда на одежду ребят
Анклавную шапку, заплаты
Вдруг увижу, то видят мой взгляд
Ночь далекую, мами-сугоды

Над штыком... Эти нити надежды
Укрепляют бесконечные руки.
Этот свет, этот взгляд, этот жест
Выше смерти и выше разлуки.

Перевел с лякского
Натан ЗЛОТНИК

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

Ленинский зачет для комсомольцев — большая школа политического и нравственного роста.

Сергей живет свою, дела и планы с заветами Ильича... Свои труды помочь выполнению ленинских идей. Но везде развернулось предъявление прокурорским жандармам: «100 дней — 100 юрдов» — гласят белые листы, висящие на дверях подъездов Красномолекома, каменоломен, комбината — редакции попросила рассказать коллега ткацкого производственного комитета Анну Бурцевскую.

**Анна БУРНЕВСКАЯ,
комсорг
текстильного производств
Краснохолмского
химволового комбината**

Можно было бы начать с того, что мы на хорошем счету в районе и даже в Москве, выполнили пятнадцатку и дали 22 тысячи метров ткани сверх плана. Но дело ведь не только в этом. Чтобы понять, что такое для нас Ленинский звездный чекан в цехах.

Когда я пришла прошлой осенью в комбайн, мне показалось, что я попала в многочисленную и дружную семью, которая готовится к празднику. Каждую неделю по-новому украшали комбайновый зал в клубе, писали послания, изобретали фотографии, ходили в походы в ленинских местах, бегали с конспектами, занимались спортом. Я видела поступтки однокурсников, которые были полны жизни и сюда. И, знаете, наши девочки из ткацкого тоже показались мне аби-туринянками, охидающими студенческими билетами. Они и в самом деле будто сдавали экзамены на какое-то новое свое человеческое качество. Теперь у меня такое ощущение, что самая главная сессия будет в апреле.

лучше всех сказал Маяковский: «Я сяд под Ленинским чишку, чтобы пыть в революцию дальше». Вообщ-щее самоанализ — скорее свойство людей творческого труда. Но сейчас девача все время приглядывается к себе: что хорошо в них, что плохо. Это ведь отличная привычка — все поступки пропускать через сердце и голову. Но не всегда вязл и сделал, а почему сделал, для чего сделал».

Нашему комитету — когда-то фра́йли́це Августа Шрадера — больше ве́ка. Представьте себе казармы, в которых в три этажа, кироминая лампа одна на барак, плачет детчики, вонь, нищета, вишь. Даже за ворота нельзя было выходить. Настоящая катогра. Корпус, как в углу двора, назывался «рублевым» и был сделан из вручную вытесанного Сей-Ильи с участием нескольких обывателей и ступни висячим. Но когда В. И. Ленин говорил о том, что производительность труда в кониненном счёте — главное для победы коммунизма, он, по-моему, имел в виду не только станки. Ведь если ручной станок этого можно сравнить с мощным автоматизмом, то что сравнивает психология неграмотной рабины Ав-

Ира Коконова
работает
в сквоальмоке цехе.

На субботнике.

Фото
Альберта
Лехмуса

НАШЕЙ ЖИЗНИ

густа Шрадера с психологией наших комсомолок. Здесь требуется совсем другой масштаб. Но, по-моему, кое-что об этом уже сказано в знаменитом докладе об отношении к труду и думал В. И. Ленин, когда говорил о высшей производительности труда.

У нас все знают Лиду Кюнессе. Сынок около своей мотальной машины, как школьница. Платочек в горошек, халатик с комсомольским значком. Стоят на конвейере, а за ними — самый известный у нас бригадир — не только на комбинате, но и в Москве. Ее бригада «Бригантина» — лучшая на предприятиях легкой промышленности. Зовут Лидинских девчонок сибирячками: «на цвететву дюжину» у них действительно восемь сибирячек, все из Ленинска-Кузнецкого.

О бригадистах у меня в трофе в комнатах Хардикова бывают разные да и настроение тоже. Но сибирячки и в beide едини, как семья. И Лида у них за старшую, хотя ей всего двадцать-дцать. Мне кажется, любят ее как справедливость. Ина бригадиров услышит, что мастер девчонку честит, и тоже на нее. Лида не такая. Она своих видит насквозь. Никогда не

станет ругать, если знает, что причиняется раздражением или медлительностью. И это не удивительно, ведь она уважает, как работают сибирячки, подумала — это мне никогда не достичь. И правда, эта быстрая, быстрая. Глязами больно, «Бригантина» — бригада мотальщиц. Они перематывают на своих машинах маленькие почтаки пряжки на бобины. Раевская нить — связывает, кончается почтак — ставят на машину, включают. А потом — в большак. Конечно, можно потянуть хомутом, помедленнее вязать узлы. Дескать, машине хорошо, сна железная, а у меня вечером тамцы, надо ноги поберечь. Так вот, по-моему, когда В. И. Ленин говорил о росте производительности труда, он думал о воспитании у нас внутреннего чувства ответственности. Он думал о том, чтобы это явилося из волевых усилий складываться вся трудовая жизнь страны, и просил «все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую». Но мере того, как это будет происходить в каждой

деревне, во мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, будет становиться ясно, что она умеет обединить свой труд — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Девчата из Лидиной бригады понимают свою ответственность и дают не меньше 130—150 процентов нормы. Некоторые могут подумать, что они просто волевые, беспрекословные. Но это всесоюзного субботника, когда все работали бесплатно, дававши деньги и по три нормы! А потом ноги себе растирали, как балерины. Потому что это невероятно трудно — работать за троих. Перед тем, как выйти на субботники, мы все перечитывали «великий почин». И все признались потому, что хотели помочь. Но даже и это не было этого явилося из волевых усилий складываться вся трудовая жизнь страны, и просил «все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практические ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую». Но мере того, как это будет происходить в каждой

ном сырье». Если бы девчонки знали об этом обязательстве хотя бы слышали, то они бы не работали. Чтобы два дня работать, нужен вагон почтаков. Как их склоняют? Ведь и в обычные, необычайные мечты никто не выбрасывает годных почтаков. Значит, остается один реэзерв — собственные руки и терпение. Обычно, когда на почтаке остается метр, два, три нормы, мотальщица приходит в изнеможение и просит отдохнуть. Что с ним возится? Девчонки стали собираять остаточки. Конечно, бегать приходится побольше, смотреть позорче. Зато метр за метром накапливается на подарок. Сначала на день работы накопили, теперь на собирали еще на день.

Или вот еще строка в наших обязательствах: «Все задачи, которые мне даны, я выполню». Может быть, не счется-то ловко сказано, но тогда, на собрании, всем показалось, что это как раз в точку. Помните, В. И. Ленин сказал на третьем съезде комсомола: «Задача состояла в том, чтобы учиться». Сейчас все уже говорят о том, что культурный уровень общества — залог победы в экономическом соревновании. И хочется, чтобы все девоч-

ки предъявили обязательствах «Бригантины» записано: «Проработать 12 и 13 апреля на сквоальмоке-

ки поняли, что наше общество не честно относится к сумме людей, таких, как они. Илья еще думают: вот сколько в стране народу учится, и если я брошу школу, этого никто не заметит. Но ведь так нельзя рассуждать: пусть учится сосед. Конечно, трудно: день в цеху, а вечер за книжками. И спать хочется, и танцевать хочется, и в голове шум от ставок. Но надо как-то придумать, как чувствовать себя грамотным специалистом, который может головой ручаться за свою работу! После собрания все пошли учиться. Кто в институт, кто в техникум (у нас почти все с двадцатилеткой). А Лина Бубличенко из моталного отделения учится на истфаке университета.

В Ленинском районе три грани: промышленная, общественная рабочая. Раньше я думала: формально это или нет — свыкнуться в едином три техническим профилем? Но чем больше я наблюдала за людьми, тем больше убеждалась, насколько органично сочетаются качества производственника, актёвиста и человека поколения. Я могу говорить о том, что я знаю, — о комбинате. У нас есть девушки хорошо работают, так она, как правило, и другому помогает, и самодельность не упустят, и на учебу у нее силы найдутся. Я говорю о девушках, потому что производство у нас действительно женское, и мужчины, в особенности первых, совсем мало. Но это не значит, что парни-загорелые, или помножители, как у нас говорят. Есть у нас такой помножитель, Витя Гранин. Худенький, длинный, ничего замечательного — глаза да вибраторы. А вот в армии весной будешь провожать — девчата плачет будут. Хороший он человек. «Если... говорит, — чувствуется, что человек не глуп, — рассказывает о своем, и мы действительно знаем: если где неполадка, зато — только скажи, Витя тут как тут и в момент наведет порядок. Виктор сначала, как и я, о текстильном производстве не помышлял. После школы разбежался в строительный институт. Но там по конкурсам не прошел. А на комбинате, где работают девушки, работают все чети, хорошая традиция. Она и привела племянника. Сначала он грустил, словно не находил своего места. Но вот Лиза Кноссе его на моталочной машине научила работать. А он ее сразу в спорт завербовал. На Виктора сейчас весь спортивтор: волейбол, баскетбол, лыжи. Он же конферанье концертов. Говорят, что он — из армии. Но это не строительный. Поплыл ему в нас. А полюбился — захотел быть полезным, нужным, интересным. И не надо его просить: сделай то-то и то-то. Сам все достанет, обо всем договорится. Сейчас, перед юбилеем, мы строго следим, чтобы у каждой коммюникеющей группы было нечто интересное, необычное, поразительное. Но наставники успевают мы сунуть только те случаи, когда человек, подобно Гранину, сам приходит к сознанию необходимости помогать другим, работать для них, отдавать им свое время.

Конечно, энтузиазм, вызванный Ленинским зачетом, выливается в чисто практические результаты. Пятилетний план наши девчата закончили еще в октябре, а сибирячки — в июле. Девяносто процентов коммюникеющих работают уже в счет семидесят первого года. Наполовину выросло число ударников коммунистического труда. Это серьезные цифры. Но главное, мне кажется, не в них, а в той глубокой увлеченности, с которой наши коммюникееры готовы держать свой экзамен на зрелость в апрельские дни.

Сейчас в Ленинском районе в школах и на заводах издается

к 100-летию
со дня
рождения

ЛЕННИНА-70

Мы знаем Ленина несгибаемым борцом. Сорок лет великой эпохи — это величайшее свидетельство того, каким громким был он, каким верным гарантом. Письма Владимира Ильича к матери открывают нам нового Ленина — нежного, заботливого сына.

Письма Ленина воссоздают широкую картину, выдумывают ее изнутри, — выдумывают о собственной жизни, о собственном отношении к людям. Поэтому нам показалось интересным показывать читателям с новой работой Мариэтты Шагинян «Ленин в письмах к матери», которая готовится к печати в издательстве «Молодая гвардия».

Вот письма, длинных и коротких, написанных Лениним к матери, а через нее — к остальным членам семьи, прошло больше половины социальной жизни Ильича, с 1893 по 1916 год. Их обычно рассматривают как выражение личной и общественной привязанности семейства Ульяновых. Но в свете духовной близости членов этой исключительной семьи, как единства их деятельности и судьбы, трудно было бы предположить другие их отношения. А вот огромнейший материал о самом Ленине, о его привычках, вкусах, житейских черточках и глубинном прописании характера, о нем самом, о нем как о человеке, о нем на каждой странице письма. И это не единственный факт. Появился до сих пор как-то не поддастся систематическому исследованию. Между тем Ленин встречается в этих письмах с необычной конкретностью, силой и ярче любого написанного о нем воспоминания. Хочется, чтобы молодежь читала эти письма не одни, но два раза, чтобы она жила с образом живого Ленина, любила его во всем, конкретности его мышления, жизнерадостности, юмора, любви к чистому языку — и чтобы училась у него принципиальности и организованности жизни, помнила, что только однажды дается эта жизнь и нет хуже душевного терзания, как прожить эту единственную свою жизнь вправду и бесполезно.

Именно в этом смысле, мне кажется, письма Ленина к матери могут стать наставником, пособием, поддержкой для каждого из нас.

Оно началось в течение 22 лет, опровергавших жизнь в Петербурге, Сибири, Пекине, Германии, Англии, Швейцарии, Финляндии, Франции, Польше, с переездами из одной страны в другую, с возвращениями в них, — началось бы, какой кафедрой и какое должно бы отразиться в письмах первое направление ссылки, эмиграции, переходов на одних условий в другие, бесконечных смущений адресов. Но это было не так. И это было не всегда чисто письменное. Июлью хоронят с литературами наследие Владимира Ильича, знает, какую страстью силу борцакладывал он в свои строки, помышляя их эмоциональное воздействие на читателя тем, что старался перенести устные приемы агитационной речи на бумагу с помощью всех существующих технических вспомогательных знаков воспроизведения и вопросов, подчас удивительных,

ЛЕНИН В ПИСЬМАХ К МАТЕРИ

Мариэтта ШАГИНЯН

соединенных вместе; подчеркиваний, разбивок, курсивов, графических вставок на полях, примененных больших букв и т. д. Самая трезвая проза Ленина всегда насыщена этим всплеском оратора, как если бы Ленин в процессе писания писал не для бумаги, а слушая, как его читают. И читая, мы чувствуем, что автор — борец, страстный, несгибаемый; что автор — позиционист, не уступающий, побеждающий в споре. А вот в своих письмах к матери Владимир Ильич, словно бурная река, ведет успокоенный разливавшийся в заводы, теряет все признаки борца и позициониста: нет курсивов, нет подчеркиваний, нет удвоенных восклицаний, многоточий, нет того, что делает его письма яркими, пронзительными. Рука его спокойно лежит на бумаге, слова написываются в аккуратную строку. Ни ясно сотни писем и начиная с этого что-то около пятнадцати подчеркиваний, искаженный раз для того, чтобы обратить особое внимание на подчеркнутые слова: например, на слово *каждый* (чел.). Когда он пишет о необходимости для брака делать в тюрьме гимнастику, не в привычном едином дне или иначе, пишет чувства подчеркнувшись словами: *До седьмидесяти* — только в этом письме, когда он едет близкой встречи с матерью, по которой он скосывается как на границе.

Именно это отсутствие обычной гаммы «устных» знаков в «письменной» речи, эта спокойная, ровная манера изложения сразу показывает читателю Ленина, как человек «у себя дома», «сօ сօнъюнктуру» и как он живет в своем особом самоощущении. Ленин весь, как он есть, в этих письмах. Изучите, поглядите в него, в такого, как он есть, в «обычного» для себя человека — и необычного, удивительно цельного для нас, у которого так хочется учиться и учиться.

Привычки и вкусы, убеждения и потребности создают внутренние источники для поэзии, и в этой цепочке поведения раскрывается характер.

Чем для Ильича была постоянная нужда, постоянная потребность, отражающаяся в письмах? Читаем первое письмо, от 1893 года, из Петербурга. Там есть в самом начале описанная Ильичем комната — чистая, светлая, с коронным ходом, и: «Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то и совершенно дов-

лен»¹. Вы видите тут, что понятие городского центра в первую очередь связывается у Ленина с местонахождением библиотек и с изображением, близко или далеко до нее ходить. Через время это понятие становится более широким, и это упоминание о библиотеке, главное место его постоянной литературной работы, — плыт от последнего письма из Цюриха от 12 марта 1916 года. Уже идет революционное брожение в войсках и в Питере, меньше дней до Февральской революции, скоро конец эмиграции — отзов на родину, борьба за Октябрь и самый Октябрь... А в первых строках письма читаем: «Чтобы не забывать о библиотеке, я ее поминаю в эпизоде библиотекаря. Оно здесь очень нам нравится, а библиотеки много лучше берлинских, так что проблема еще, пожалуй, больше, чем хотели». Это не случайно, не нарочно, что это естественно, как течение жизни. Мы знаем, что и после Октября, в разгар неисчерпаемой государственной деятельности, захватившей все его время, все его силы, Ильин не переставал писать письма, ссылаясь на память о некоей «тогдашней «Рузвельтовской» — она для жизненных фактором в его рабочий день.

А книга! Если что выплынет из себя Ильич в сказку, в эпиграфике, так это книга. Перечень их он приводит тщательно, с полной аннотацией, наполняя не один, не два листка письма. Он говорит о книгах как о чем-то волнующее-любимом, любовно ожидаемом. Из Мюнхена, имея нужные данные, он пишет о книге, недоступной в Германии, о прессе, «обогащающей» книгу и в особый ящик даже осно статистики, о которой я немного начиняю тосковать и думать всю ее перепрятать». Вот где все и еле подскрывают, выражая жажду потребности ума. Но подумай- читатель: тосковать по статистике!

В этом все Ильич, говорящий, что он «влюблен»

в Маркса и Энгельса, весь Ильич, вносящий

высокую эмоциональность в свою уместную книгу.

Но выывает, ученик каких-то каких-то книжек, как генеральный перечень цифр, подобно

«звукам разной высоты», фиксирующий безошибочно реальность земных фактов и поэтому

помогающий выводить из них бесспорные зако-

номерности.

Но только ученик, но ученик-поэт может

тосковать по статистике, как тосковал по Найде Владимир Ильин.

Но выывает, ученик в Ленине смешивается с учеником-математиком, который

занялся от реальности, и смотрит поистине с го-

мерических взором, хождом Дарвина или доктора Джонсона, известного своим громовым сме- хом.

Богданов, тот самый Богданов, который

столько крови перепортил ему своими «эмпири-

ческими» отходами из марксизма, написал роман о Марсе «Красная звезда», подхватив

по современной нашей терминологии к жару «научной фантастики» и в этом романе

изобразил оболичностях красавиц Ленин в Женеве летом 1908 года читает газету,

хочется, берется за перо и приписывает к пись- му матери такой постскрипту:

«Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell'и — «Марс и его канали». Этот Lowell — астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучший в мире [американский] астроном».

Труд научных. Доказывает, что Марс обитает,

что канали — туда техники, что люди там

должны быть в 2/3 раза большие землян, прит-

ом с хоботами, и покрыты перьями или звери-

кой шкурой, с четырьмя или шестью ногами.

Нада, наш автор (имеется в виду Богданов, — М. Ш.) нас подводил: описание марсианских красавиц неплохо, должно быть по рецепту «таких красавиц, истин нам дороже каких-либо вымышленных обманов».

Лилюхин хохочет, он в здорде, в нем всякий

подлемический дух, и — курсивы (целях два), многоточия. Хороший урок некоторым на-

шим «филологам»!

Лилюхин хохочет, он в здорде, в нем всякий

подлемический дух, и — курсивы (целях два), многоточия. Хороший урок некоторым на-

шим «филологам»!

Лилюхин хохочет, он в здорде, в нем всякий

подлемический дух, и — курсивы (целях два),

многоточия. Хороший урок некоторым на-

шим «филологам»!

Лилюхин хохочет, он в здорде, в нем всякий

подлемический дух, и — курсивы (целях два),

многоточия. Хороший урок некоторым на-

шим «филологам»!

Лилюхин хохочет, он в здорде, в нем всякий

подлемический дух, и — курсивы (целях два),

многоточия. Хороший урок некоторым на-

шим «филологам»!

и с какой-то робостью — об их стоимости («хоро- шо бы...»), вы невольно ощущаете далекую ат- мосферу детства и школьных лет.

Свою жизнь по-юношески воспринимает Ильин, и это не случайно. «Я был юношес- венен...», не размышлять в овощах в ходить, охотиться, «попутать землю ногами», по выражению Чичикова. Почти в каждом письме есть это действенное описание природы. Почти в каж- дой рече, купалье, море, океан он купается, от Шуши до Шире; почти в каждой стране, куда забрасывает его жизнь, ходит подолу пешком, ездит на велосипеде, один и с Надеж- дой. Соревнуясь с Юрием Капланом на круты- х горках, сочиняет мечтательные страницы с рюкзаком на спине и не забывает хотя бы двумя стро- ками, но рассказать об этом матери.

И вот где из-под пера поэта выпадает удивлять. Лилюхин нигде, решительно нигде не забы- вает точно — хронологически и географически — фиксировать время и пространство. Он не забы- вает и климат. Наверное, вы, читатель, если сами не грешите, то многим другим не пе- нет, что они забываютставить в письмах точную временную и пространственную координату. Отвратительная привычка — расставлять в письмах даты, даже когда они не нужны! Или же забывать, что вспоминается история, сколько must предстоит ему классифицировать такие письма. В Ленин- ве — без исключения — все его письма и матери датированы. Больше того, он датирует иной раз получаемые ответы, а если при этом ошибает- ся, сам себе тут же поправляет: «Вчера (нет, 16, а не вчера) получил, дорогая мамочка, письмо твое от 23.VIII...». Так пишет он матери 19 лет назад, в 1901 году. Мама, конечно, не знает, что такое собственная отбоярина — на 2 дня. И в той же точности, как какой-нибудь дает датированием пись- ся, он не забывает написать (на «справки») под- робности о погоде, о климате: у нас так, а у вас как? И даже, получив газету «Речь», пишет в ней указания о погоде в Саратове, где живет его мать. Так остро-конкретно, ежедневно ощу- щает он для себя и для своих родных земную обстановку: не красоте и уродстве, и ее красоте, не вине и чести, справедливости и небывалых по- казов. Лилюхин, как погоды, сравнивает погоды в России и в Европе, и все это не нарочно, а просто и естественно, с той обычной и неземной привычкой, с какой люди читают по трубы звуки.

Почему важно заметить все эти особенности ленинских писем к родным? Во-первых, потому, что они рисуют его почти с художественной достоверностью как последовательного материалиста и диалектика-материалиста. Во-вторых, потому, что облегчают всю последующую работу историков, методистов, литературоведов, письменников. Помимо письма для точного восстановления одного дна в Симбирске, для рождения второго сына Ульяновых, Владимира Ильича, я мучи- лась 3 месяца, разыскивая по архивам, журна- лам, календарям, великим публикациям 1870 года нужные мне данные о погоде в этот день, о вскрытии Волги у Симбирска, о происшествиях в городе в тот же день. Собирали буквально по крохам. Не было в то времена такого точного корреспон- дента, каким стал впоследствии сам Владимир Ильич.

Кавалеры были, сотня писем к матери, небольшая книжечка, — это чисто немого. Но в письмах уложилось множество интереснейших сообщений Ильича о том, что он читал, где бывал, какую музыку слушал, какие посещал спектакли, что ему нравилось и не нравилось. Он дал даже портреты некоторых городов, удивительные по выразительности. Вот Вена: «...городом, который обладает всеми достоинствами, кроме величины, в какой-то земле, приятно находи- ся на столице». Здесь есть что посмотреть. Был я здесь, между прочим, в Музее der bildenden Künste и даже в театре смотрел венскую оперетку! Мало понравилось. Был на одном собрании, где читалась одна из курсов Volksuniversitätskurse. Попал неудачно и ушел вскоре». Это как будто очень коротко. Но мне пришлось видеть Вена в годы 1901—1902 годов, когда он там был обставлено-точно. А вот в Ленин, Папкин (специа- лист мне кажется, абсолютно точный) «Париж — город очень неудобный для жизни при скром- ных средствах и очень утомительный. Но побы- вать немножко, невестить, прокатиться — нет

лучше и веселее города. Встрянулся хорошо»². Чтоб не слишком удлинять очерк, не привожу здесь очень многих мест из писем, где Ленин чудесно описывает природу и свою впечатлениями о ней. Ильин, как и многие другие, вспоминает, какая ботвой и разнообразной жизнью был он, несмотря на колоссальный труд и занятость. Многие, о чем он пишет как зрителе, читатель, слушатель, ходок, оживает и вспоминается в полной мере лишь при четвертом, пятом перечиты- вании писем. Но, помимо этой стороны жизни Ленина, в письмах с такой же (если не с большей) силой отразилась другая: та, где Ленин пишет о своем прошлом, о том, как он, будучи в эпоху работы над «Развитием капитализма в России» в глазе на ряниках. Не указал читателя на многочисленные, очень интересные подробности его профессиональной писательской техники — я не могу считать своей очерк законченным. Подробностей эти, от очень мелких до важных и крупных, очень много.

Ильич, например, пишет о пылью определившей марку первых, которых он писал. Это были английские первы, в те годы предъявляемые во множестве купцов, но в то время, так же как французские Pièces unies — очень тонкие, очень острые, удобные для тонкого и мелкого почерка Ленина. В семье знали, какие перы любил Ильич. «Вот что попросил бы Манишин — пишет он матери на Мюнхене 20 ноября 1901 года, — прислать мне с ней (так есть с Надеждой Константиновной). — М. Ш.) коробочки «монк» первы. Представьте себе, здесь не находит места. Глу- хий насторожил меня одна английская коробочка с «шестью» наделами, драны, страшна- ная». Для Ленина и бумага, особенно когда нужно приводить статистические данные и графики, далека не безразлична. Еще из ссылки он просит — с подчеркиванием — прислать ему «...бумаги, линоевой в клетку»: я сомневался, чтоб в Минусинске была, да и мне не очень много надо — даст четыре с клетками различ- ными, а то и пять, и коробка для них будет кро- ной. Работает он на рукописи необходимо тщательно и к тем, кому она поступит для на- бора и печати, очень пропорциональна. Сперва пишет начерт (Ленин употребляет слово «черник» вместо «черновик»), потом сам переносывает набело и, уже отослав рукопись, пишет к ней новые дополнения и поправки: «Посыпал еще несколько маленьких поправок и 5-й главе». Но особенно интересно, что и корректура и кор- рабль — это не одно и то же. «Корректура не двух, а трех корректоров, не двух...». Корректуры очень пропорциональны к письму полистью... чтобы и мог просмотреть».

При таком тщательном внимании к процессу письмени и печатания Ильич оставил в письмах доказательства и принципиальные связи отно- шений к работе. Он равнодушен к подписькам под своим трудом (пусть будет любой из посвящений), и ему пишут, что это было бы очень неприятно: «Ничего фальшивого я не пишу, а не знаю: какую годину, мне все разно, пусть наде- тель выберет». Но когда надатель изменяет за- писку покупателя, Ильич не выдерживает, хотя и тут не хочет сорваться с издателем, чтоб не затормози- ти печатание: «...и не придряюсь наасчет первых, которые я пишу, и не правлю, и не исправляю, и не заменяю, и не корректирую, и не обновляю». Письма, которые он пишет, вспоми- нает какими-то фальшивыми, а не настоящими. «Ничего фальшивого я не пишу, а не знаю: какую годину, мне все разно, пусть наде- тель выберет». Но когда надатель изменяет за- писку покупателя, Ильич не выдерживает, хотя и тут не хочет сорваться с издателем, чтоб не затормози- ти печатание: «...и не придряюсь наасчет первых, которые я пишу, и не правлю, и не исправляю, и не заменяю, и не корректирую, и не обновляю».

В одних из самых разных писем он как-то признался, что много пишет только тогда, когда есть что писать. Это для Ленина важнейшее условие общения, устного и письменного. Если «есть что» — пишет он, и если есть время, то пишет. «Письма я пишу, когда есть время, и не умею говорить и писать». Загад- ки пишет такие простые слова — и так и видишь перед собой Ильича с его моральными рефлексами на издательскую практическую, на редактуру, от которой душа отворачивается, — и скучное указание на собственный выбор «наочно поскорее».

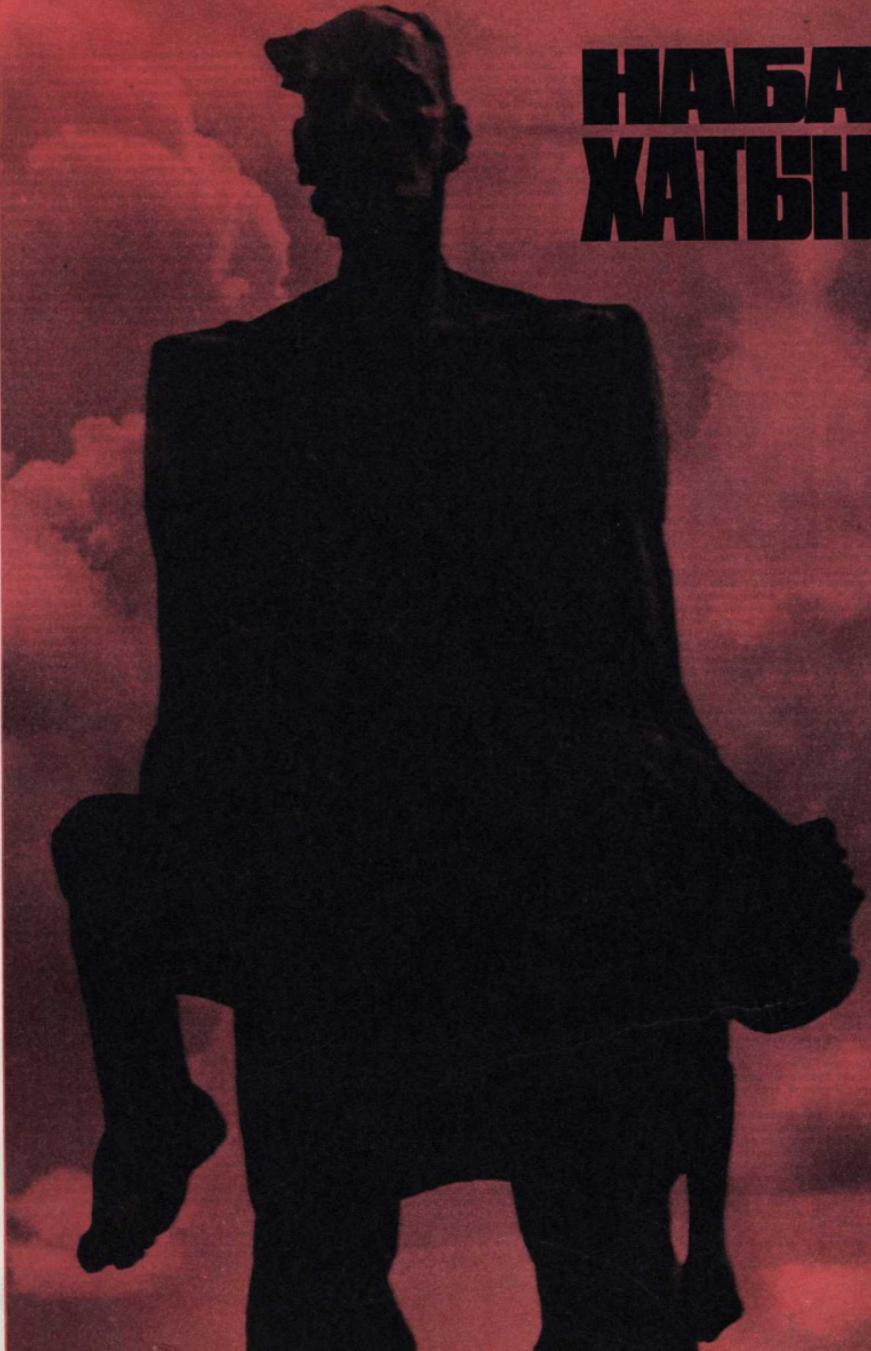
В одних из самых разных писем он как-то признался, что много пишет только тогда, когда есть что писать. Это для Ленина важнейшее условие общения, устного и письменного. Если «есть что» — пишет он, и если есть время, то пишет. «Письма я пишу, когда есть время, и не умею говорить и писать». Загад- ки пишет такие простые слова — и так и видишь перед собой Ильича с его моральными рефлексами на издательскую практическую, на редактуру, от которой душа отворачивается, — и скучное указание на собственный выбор «наочно поскорее».

«Об утомительности и неудобствах Парнина, о не- возможностях в нем серьезно работать (и еще о десяти других минусах) письмо Стендаль.

¹ «Либретто» Тебя В. Ульянова». Письма В. И. Ле- нина матери. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1967. В дальнейшем все цитируется по этой книге.

² «Прозвищами» Ильич называл Женеву, Мюнхен. Делаете вид, что «Музей изобразительных искусств» и курсе лекций «Народного университета».

НАБАТ ХАТЫНЯ

— это бронза и камень, это суровая людская боль.

Память о Хатыни — это бронза и камень, это суровая людская боль.

25 лет
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

★ 9 Мая 1945

Валентина БИАНКИ,
Мирослав МУРАЗОВ
(фото)

Gюда надо ехать по шоссе Минск — Быхов: сквозь зеленые леса, дорога не имеет пептии, ведет то в гору, то под гору, открывая глазу просторные поля, перелески и рощи.

Если осенью едешь сюда, все желтые-желто: в песчаных откосах костогоры, в кроне могучих деревьев, просвещенные солнцем, и стоят в лугах. А зимой тут царство белизны.

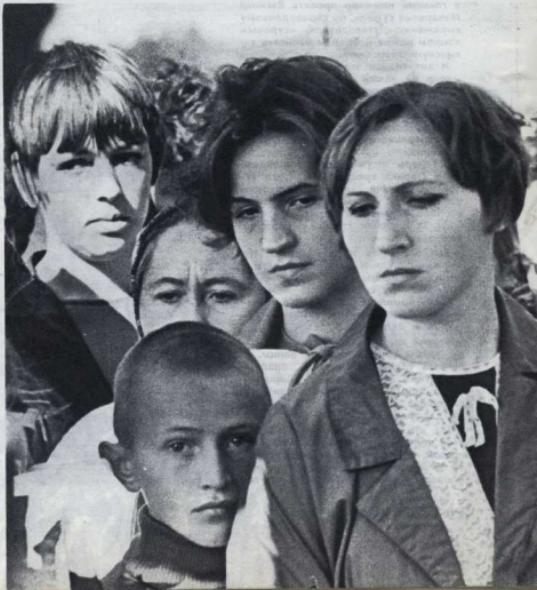
Белеют речные русла; дубы и ольхи укрыты мерцающим в морозной мгле снежными шапками. Вот уж

простившись Белая Русь!

Мы быстро миновали пригороды Минска, и пошли те места, которые называют глыбникой. Мелькнет сонхолка, угаснет кирпичная башня, остановится кирпичный строенный... Проехали районный центр Логойск. Потом тракт круто сворачивает влево, и на дороге показывается и начинает ра-

шифер пригорманивает машину. Мы стоим перед прямугольником сплошными из черных, словно обугленных брусьев. На прямугольнике только одно слово, выведенное крупно и отчетливо, как предупреждение: ХАТЫНЬ.

Дальше нужно бы идти пешком. Нет, но потому, что кончается проезжий путь. Напротив, дорожка совсем не видна, ее скрывает густой кустарник, это уже не асфальт. Нужно идти пешком для того, чтобы въявь представить себе этот просек, такой типичный для Беларуси, да и для всей Руси, просеклом с глубоко насыщенным запахом земли и тонкой травой у обочин. Нужно шаг за шагом следовать за этим колесами, еще, правда, не охвачивающимся тогда мраморным верстовым вехами, а теперь они начинаются от главной дороги: одна... две... три... четыре... пять...

Пять белых верстовых метки, и перед мной — Хатынь.

Я смотрю на лицо, где, словно на ладони, у леса лежит деревня. Но еще не вону солнения. Вокруг только высокий, не тронутый ветром, пронзительный стон старого человека.

Однако прежде чем удастся рассмотреть его лицо, замечаясь мальчика. Мальчик лежит на руках у старика, голова запрокинута. Жизни нет, мертв.

Кажется, я пишу сбивчиво. Но об этом и нельзя писать глашко. Так именуют отца погибших Хатыни. А теперь, никто из тех, кто увидел ее деревню, никто бы передал свою ощущение спокойно.

Трагическая судьба Хатыни известна. 22 марта 1943 года карательный отряд гитлеровцев ворвалася сюда, окружили деревню, согнали жителей в сараях и скотах всех от мала до велика. Солдаты были такие же мальчики и девчонки, такие же мальчики и девчонки, построились. Кузни. Колодцы. Порослы садов... И не стало Хатыни!

Бронзовым стариком с мертвым мальчиком на руках пристально смотрят на нас. Утверждают, что преобразом его послужили крестьянин-белорус Иосиф Гладышев и его сын. Их забрали из всех взрослых жителей деревни спасся от фашистов. Скульптор изваял его в бронзе, исторический точно воссоздав сплюшивающиеся. Когда Каминский выбрался из-под обломков горящего сарая, он нашел неподалеку своего пятидцатилетнего сына. Тело подростка было приштофовано к дереву. Он умер на руках у отца.

Что остается от сгоревшей деревни? На первый взгляд кажется, ничего. Но это неверно. Остается пепелище. Пламя уничтожает дерево, и все же по обугленным оставшимся почным трубам, по обводам каменной кладки фундамента видны: здесь стоял дом, здесь был сад, здесь решали создать в Хатыни мемориал, побуду на конкурсе одарил проект, который решил задачу наиболее естественно. Молодые архитекторы Юрий Градов, Валентин Занович, Леонид Левин, скульптор Сергей Селиванов и главный инженер проекта Василий Макаревич сумели, по справедливому выражению художников, «сформовать языками камня и бронзы написать хатынскую трагедию».

И вот создал этот мемориал. Их много на нашей земле, прекрасных памятников мужеству народа. Хатынь станет и рад лустру. Потому что архитекторам выпало счастье и достоинство создать творение огромного эмоционального и патристического звучания.

Теперь я уже могу разглядеть лицо старика крестьянин, и его угловатые плечи, и глаза, глубоко ушедшие в глазницы. Эти глаза скорбно и грозно смотрят на входящих. За плечами старика — сожженная земля.

Гляжу вспять на эту землю. Но мы живы. Были дети. И вместе с нами по наименее пытливым дорожкам, проплененным сырьем, весь мемориальный комплекс, идут люди, привезшие сюда издалека, из других городов и сел. Много детей.

Вокруг нас — темные, будто в золе, венцы срубов. Никакие венцы. И почные трубы, обугленные, опаленные отгрем. Кое-где пламя выщербило из кирпича — словно кирпич, не выдержав стресса, накала памятника.

Тот, кто выбрал некогда место для этой деревни, как видно, в душу был поэтом. Ясное дело, сам он наверняка не думал ни о чём подобном, его одолевали другие заботы. Но все-таки

ни не зря человек этот остановил свой выбор на окружной лощине в лесу, и у него не ушел отсюда и стоять здесь, в кольце белостолбовых берез и изогнутых соснов, строеными домами. И через 40 лет, в деревне начали считываться двадцать шесть дворов. Это место создано было для мирного труда. Здесь жили люди, спавшие поклонениками. Никто не запирал дверей, и капитаны, ведущие на присадебный участок, всегда оставались распакнутыми, словно не тронувшие тебя, ищущими узора деревенской уличонки; и не тронули, заснувши, заснувши.

Они и сейчас распакнуты, эти капитаны. Можно войти в двор. И мы входим. В нише обугленной лачинной трубы укреплен небольшая доска. Столбец имен. Столбец цифр. Митко Каинэр — 54 года. Иотко Алешин — 50 лет. Митко Рыбак — 16 лет. Митко Марин — 15 лет. Иотко Стася — 12 лет. Митко Митинник — 5 лет. Митко Рын — 4 года. Митко Стена — 3 года. Митко Юэнк — 1 год... Семья. Они здесь родились. Они здесь погибли. 22 марта 1943 года.

Наверное, человечество никогда не создаст эпиграфа более подвижного именного края. Имя — возраст. И все. Старая емкость этих столбиков вмещала биографии людей. Молодых мужчин не было в Хатыни. Каждый, кто мог держать оружие, ушел в армию или в партизаны. Разом, в краткий миг обранных судьбы, Юзеф Иотко, кем бы стал ты и ты, Стася! И как называли тех, кто ушел в тын! Черные сорока соруба. Настильные ворота калитки дворов. Скорбные списки сожженных захвачено стариков и детей.

А над всей лицоиной, над деревней, над лесом — медленный звук

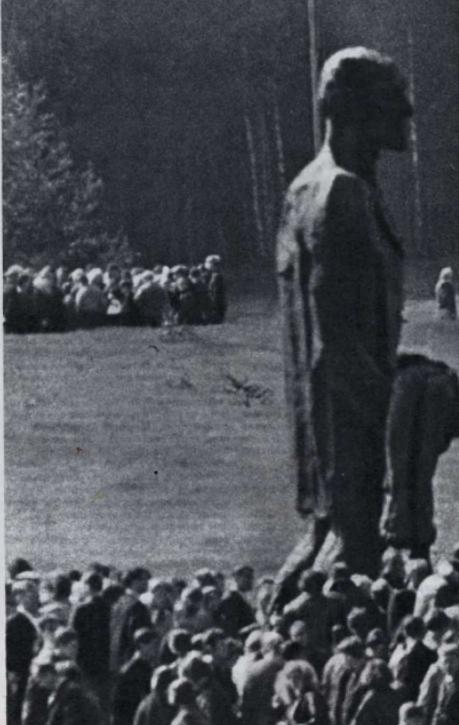
колоколов. Вот только теперь я слышу колокол. Мой слух словно выпал из тела. Но сейчас, после первых мгновений, когда проходит резкая, как удар, первое громкое впечатление и я начинаю воспринимать мир объемно, кажется, что самое главное — и единственное важное теперь — стоять и слушать эти негромкие, мерные удары.

Хатынь год. О нем умолкли писатели. В оценках Хатыни было сказано: «Хатынь — Орудийское параллакса». Лицедеи и имитаторы в 42-м. Орудар — в 44-м. В чешском селе французы казнили каждого, кому было больше пятнадцати. Во французском городе гитлеровцы расстреляли всех мужчин, а женщин и детей согнали в концлагерь. Но не французы, а немцы, и не в концлагерь, а в тюрьму.

Тогда же, тяжелую голову звон затыкающее колоколы разнеслись на десятки километров отрест. Как странно, но звучат звонницы-трубы! Тишана. Удар. Снова тишина...

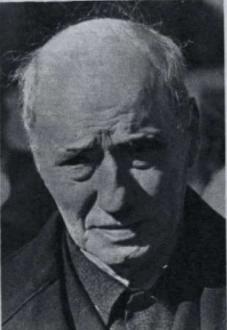
Указ, выложенный из белых мраморных плит тропа ведет к месту гибели хатынцев. Временчатый саркофаг, куда согнали французов, солдат, солдатов и на числа сорокадесят сороки, и на числе сорокадесят сороки детей, воссозиан уже не из своего первородного материала — из черного мрамора. Часом позже мы встретимся со стариком Каминским, и он расскажет, как это было, как рукинули стропила, как каркасы упор растягивали тех, кто, обезмов, перенесли из тюрьмы из концлагеря в концлагерь, из землянок деревенских от эпидемии, уходили от страшного сара и тихо идет в центр села, к Вечному огню.

«РОДНЫЕ НАШИ», В ВОЛНЕНИИ ВЕЛИКОМ, СКЛОНИВШИ ГОЛЫМИ, СТОИМ ПЕРЕД ВАМИ. ВСЕ НЕ СОЗДАЛИСЬ ЛЮТИМ ЗАХВАТЧИКАМ

Эта тропа не зарастет никогда...

Носиф Носифович Каминский.

заглянуть внутрь. Весной в них будет вода, заглянете — увидите нечто...

Гравад помочал, подбирая слова.

— Времена года... Четыре времени года. Лето. Осень. Зима. Весна. Все спустились весной. И вряд ли кто-то поспешил на землю для тех, кто погиб.

Всегда уходят времена года в глубину колодец, сквозь текущую воду. Может быть, это будет цветущая ветвь, или желтый лист, падающий с дерева, или зерный плод...

Невелик мемориал. Может быть, это только кажется так, потому что вокруг него копошатся люди, а не деревья и камни. Он забрал в себя всю скорбь, весь гнев Беларуси. Вот Кладбище деревень. Девять тысяч с лишним сел республики разделили судьбу Хатыни. Землю отгненных братских могил привезли сюда, и она легла под камни-памятники кладбища.

Веренцы людей проходят, обносят могилы, поклоняясь им. Стены памяти. Уступы стены покоянки на зареченные окона тюремных камер и одновременно — на грозные бойницы. Люди умирали, но не покорялись врагу. В каждом уступе — название лагеря смерти и число жертв, замученных здесь. Имен нет: никими стен недостаточно, бы, чтобы вписывать имена. Имена — это строки, четырех, пятых куплетов.

Потомки и соратники тех, кто боролся и погиб, создали этот мемориал. Они же создали и десятки других памятников по всей Белоруссии, в том числе гигантские Курган славы. Он выступил возле магистрали Минск — Москва. Когда возводили имена, шумели автомобили, троллейбусы, звонковые и автобусами. Мальчишки высывали землю из кепок, женщины развязывали узелки...

Девочка наклоняется и кладет к вечному огню Хатыни зеленую лепестку. Снова темные столбники-вехи отмечают километры. Мы ищем Каминского. Маленький дом в маленькой деревне. Стены из кирпича и из оштукатурки. Дом свисающейся зелени. Дом свисающейся зелени; за забором взвешивает лохматая собачонка; стук железней щеколдой на дверях, томленые сени... Иосиф Иосифович Каминский идет на встречу. Он велич ростом, на еще прям. Ему восемьдесят два года. Мы начали разговаривать, а все тут пришли Хатынцы — люди наши снова. Там, на мемориале, она была как бы обобщена и поднята на уровень громадной силы, а здесь, в комнате с низкими потолоками, стала проста, как жизнь. Или как смерть, если угодно. И сразу же, пока мы суживались на лавку у стола и Каминский садился тоже, он сидел на полу, на полукилометре от Хатыни, собравшись на колени огромные руки... мне бросилось в глаза блестящее сходство между ним и бронзовыми статуями монументов в Бресте.

Скульптуры выполнили свою работу на той границе, которая позволяет типизировать, не изменяя живому. Такого старика можно встретить в Белоруссии, в деревне отдаленной, до белорусской пущи — и все же сразу было видно сходство с натурой.

— Помнишь ли я тя тогда! — сказал Иосиф Иосифович. — Да, я помню. В тот день партизаны обстреляли немецкую машину на юшке. Это недалеко от нас, где Партизанский бор...

Мы знали это место. Там сейчас укреплен указатель, и шофера, проезжающих мимо, говорят: «Хатынь — рукой подать».

— ...И тогда немцы ворвались к нам. Они решили, что партизаны из Хатыни. Да так и было. Какую почти ночь наши из лесу приходили к нам, мы их обували, коротали, дали им хлеб. Потом были у них связки. Немцы оценивали все, связывали из хат выгонты. Я вымыжена идет без теплого на холод, в чем есть. Говорю: что так идишь, нахинь хоть плавают... С фашистами полпцией был, он засмеялся и сказал: «Идите, вам и так тепло будет, вам одевка понадобится».

Иосиф Иосифович — человек. Каминский звездочка тоже. Он сидел на полу, на полукилометре от Хатыни, смотрел на меня, словно я был скромной девочкой, которая собирается на лавку. И я сидела на полукилометре от Хатыни, смотрела на него, словно он был скромным стариком. Построил мемориал перед войной для инвалидов, колхоз из полегших деревень, материала. Когда Крыша занялась племенем, люди, стоявшие так тесно, что «инвалид» было плечом по плечу, выломали двери, но фашисты, стоявшим наготове, встретили крестьян автоматными очередями. Крыша рухнула...

— Жар был такой, что немцы пооцдали на вытерпели. Отосли. Все, мол, спорены. И выбрали по группам. Группы Адольфа. Подполю в него ставят пулами перерезан. Тут и сознание потеряя. Ончиулся — немец подходит. Прикладом пощевелил, сажогом со всей силы ударил, отошел мертвый!

Иосиф Иосифович подобрал землю, Отрез Каминского к леснику,

а выходила его доктор Анисимова, которая приходила в сторожку откуда-то издалека, присыпала лекарствами. Так и вымылся старик.

Как им только ему, он ходит в Хатынь. Рассказывает людям о том, что такое война...

Да, война... Каминский цеует нас на прощанье. Поземка метет по асфальту, и сквозь световое стекло

кажется, будто перед тобой на долгие километры курятся дымок парашютистов.

Есть что-то в Белоруссии такое, что ты не сидя снова и снова. Мне пришлось много ездить. Я люблю Грузию и Украину — они щедры. Я люблю Коми-Край — его леса невопторимы. Янежной любовью люблю Среднюю Волгу — где еще так русский развалит в ширь? Такой Но Белоруссия... Язык, что-то подобное! Имя Белая Русь, с родной мне пиннеградской землей, простой, невркой, близкой до боли! Минск, Брест, Могилев — всегда вызывались сюда охотники, ум, все тут знакомо. Но вот — Хатынь...

Любовь Лавинь мне говорит, что Хатынь дорога ему больше всего, когда весенними днями на берегах висят клочья тумана, и воздух пропитан влагой, и на поляне меж леса черные трубы мемориала видятся как бы издалека. И, кроме того, говорит она, то, что случилось там, случилось не впервые...

Он говорит об этом, а я вину слепящий снег и белую дымку на черном асфальте, точно пожарные. Но Хатынь есть Хатынь. Она стоит на земле, которая прекрасна в любое время года.

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

броситься на землю. И страшно скрипели ее куртка и сапоги. Учительница. Взрослая присекала грамоту ученику. Макар наставлял ее взысканием. Да и все в деревне любили Макара. Однажды он привел из леса волка. И убил его. И это было честное прощанье в их добре третью. Раздавалась и сразу становилась артисткой, как будто вместе с кожанкой и сапогами сбрасывала строгость и деловитость. Подходила к шумящему самовару, жадно дотрагивалась до него пальцами, отнимала их и снова дотрагивалась... Смеялась. И тогда Макар, глядя на нее, думал: «Баба как баба. И чего придумывает все, чего нужно-то ей?»

Вскоре Татьяна уехала с учительницей на несколько месяцев в район.

А Макару путь хоть совсем не привлекает. Он сам пододул пропада в тайге. Бывал в других деревнях. Шатался по чужим избам. Иногда вспоминал Татьяну, скучал. Но когда возвращалась домой, то заново привыкал к ней.

Как-то он вернулся быстрее. Охота была плохая. Да и морозы сильные. Прежде чем сидеть добре, всегда заходил на временный пунчук. Большая изба разделась на двоих. В одной половине правление колхоза, в другой охотники складывали свою добчу. Принимала здесь пушину маленький и неворотливый музик Кульма.

Макар толкнул дверь. И остановился пораженный. Он даже не сразу понял, что происходит.

У стены, оперинясь на руки, стояла двоих. Они кинувши Макару. Татьяна сидела на маленьком столом и что-то записывала. С нее неизвестный мужчина снял пальто. И это было ясно: оно было добавлено, что он городской. В руках у него была штуцера собаки. И по тому, как он разглагольствовал шкурку, Макар понимал: она извращена ему.

Он что-то сказал Татьяне. И она, кинувшись за ним.

Открылась дверь, и морозный пар пополз из избы.

На улице ярко светило солнце. Мужчина полоснула по снегу шкуркой раз, другой, а потом сильно измазалу ему. И она забилась в воздухе, как живая.

Они снова вошли в избу, плотно затворив за собой дверь. И только тогда Татьяна пододила к Макару. Улыбнулась ему.

Сейчас добрая поганка стала падчаркой.

Потом они ушли в избу. И там показалось Макару, унесли с собой умыслику. Тыльная ткань под Макаром начальника.

А Макару было непривычно в стеснительности идти рядом с ней. Непривычно отворить дверь в свою избу.

Ему хотелось даже приласкать Татьяну. Сказать: «Растешь, Танька, как три в дождик». Но он молчал. И что-то смущное бродило в его голове.

Легко они рано.

— Макар, чего сказать тебе хочу, — шептала Татьяна.

— Молчи. Слышь охота.

Но он не спал. Смотрел в закинутые окна.

Просто смотрел в закинутые окна, потому: «Жить бы ему с бабой толстой, здоровой, которая бы нарожала ему детей».

Как-то он забред в корту. Туристы напоили его чаем с молоком и солью. Потом сварили барана. И, усевшись в круж, стали раздирать горячее, сочное мясо руками, или громко, запивали ракой.

Детей в корте было много. Но их становилось все больше. Какие были из этой корты, какие из соседних, трудно было понять. Сначала они дичи-

лись Макара, исподобия поглядывали на него. А потом, осмелев, облизали его. И он возился с ними, кудыкаться по земле.

Он отстался почивать в корте. С вечера в ней было парко. И он раздражал. Только-только привык тепло. Земля была пододала, хотя под ней соколинки шатались. Но он не привык тепло. Он прислушался рано и, дрожа от холода, стал настывать на себя одежду. Потом вышел из корты. Утро было ясным, прозрачным. Далеко просматривались все вокруг. А на небе еще четко были разбросаны звезды. Внизу шумела река. Лошадь попурно стояла возле корты. Макар сел на хворост. И виду покачнувшись, кто-то повис на него на шее. Двое малышей карабкались на него. Он обернулся, шутливо стараясь отбрасывать их. И увидел, как еще двое, словно звериные выпалы, сидят на нем, крепко держась за его шею.

Они сидели, тепло прижимаясь друг к другу. И смотрели, как огромный огненный пар забирается на гору.

Макар оставилась лошадь. Спешна. Лошади прошли километров сорок. Поры и отдохнули. Поляна была небольшая, безветренная, с хорошей травой. Горы плотно закрывали ее. И он решил заночевать здесь.

Макар снял седло. Спутал лошадей. Потом пошел за ветками, чтобы разжечь костер.

Всю ночь вальяжны. И костер горел наизрек. Макару леня было слышать пальчатку. И он расстелил ее по земле. Поужинал не торопясь. Потом заснул в спальнике, положив возле себя ружье.

Все вокруг задернула темнота. И Макару, привыкшему ночевать в тайге, стало не себе.

Вот такое же испытал Макар, когда вернулся домой с войны.

А через пару дней ушел в тайгу и заночевал там. На варено-невареную стражу пришел к нему. На утро смерть поджидала его колхозную избу. Но избы было там две: одна из холопов. А холопы сидели в тайге и оглашены ее тишиной, стало до отчаяния жутко за те военные годы. И каждым тот день, теперь отчетливо вставая перед ним, Потом он вспомнил, как непрерывно, еще малышкой, пошел с мужиками на охоту. Как увидел убитого марала. И, пораженный, остановился возле него.

Марал лежал возле реки. Его краснодеревое тело тяжело распластавалось в высокой синевой травы. И широко и доверчиво были открыты его глаза. Макар сидел в краю избы. А охотники уже свежевали его. Лица их были красными от возбуждения. А руки красными от крови. Не скрывая, разводились они своей добчей.

После войны перестало Макару вести с охотой. И он подогнал оставалась дома. Дома было тоскливо, неуютно. Татьяну выбрали депутатом местного Совета, и она, совсем избы забросила. А если она дома, так люди в избе толкнутся. Делать некуда.

А тут по Макару донесла слух, что в районе с весны набирают рабочих в геологическую партию.

И они оттаяли снега. Потом прошли дожди. И завезли тайгу еще не разом робко. Макар уехал в район. И там отыскал дом, где набирали рабочих.

Высокий, «под потолок», человек стоял перед ним. Он сказал:

— Я начальник партии. Зонут меня Василий Фомич. Пойдешь с нами в тайгу?

Макар усмехнулся. Ему хотелось ответить высокому: «Я в тайге вырос. Я и не выходил из нее».

— Мы... — начал высокий.

— ... — Хотя Макару ничего не было ясно. Он хотел спросить: «Чего искать-то будете? Но ничего не спросил.

А через три дня уже грузили тики на лошадей.

Макар, глядя на все, размышлял: «Куда столько тики? Словно зимовать собираются. Не понимают: раз тайга примет, тайга и прокормит. Только руки и сmekaku надо иметь. А они, видно, сmekaku в мантики упаковали».

Макар моча тики тоже. Потом отдалил, курил. Потому-то все вокруг неспокойствовали и тормозили. Как отдал в тайгу надо было пойти на определенному часу. И Макару было смешно на них смотреть, откладывая головку назад.

Странные и непонятные люди теперь окружали его. Макар искоса Былаба за ними. Малышки, цыплята, щупальца, болтанные, сразу не напрятаны ему. Была злая женщина, высокая, красавица. И Макару сначала казалось, что она притом только проводить, что она не пойдет с ними.

Лагерь они разбили на третий день пути у большого озера. Начальник приказывал отдать спасибо, и говорил: «И чувствовалась уверенность в себе, что все это делают просто и хорошо».

Лагерь — крикливая начальница. Женщина пошла к нему легко и быстро. Рядом с ним она казалась невысокой. Брюки и куртка сидели на ней ядко. Начальник, что-то возбужденно говорил ей. А она часто смеялась, откладывая головку назад.

«Хоть бы волосы поддевались», — думал Макар, наблюдая за ней. И казалось ему, что женщина смеется нарочно, что ей совсем не хочется смеяться.

С таким же тулем непонимания рассматривал Макар учителянину, которая громко ругалась о самовар в их избе, а потом женщину на войне, испытывая одновременно к ним злость и желость.

К вечеру Макар пошел вдоль озера с ружьем. Принес двух уток.

Лена сказала:

— С Макаром с голову не покрим,— и хорошо, по-доброму улыбнулась ему.

Макар стал оцишивать утку. А парень толкался возле него без дела, пока Макар не прикинулся:

«Но не вернулся, криво смеясь», — думал Макар, вернувшись с уткой. Зато болтал без умолку. Болтно надо знать Макару, что отец был геологом. И что Василий Фомич — друг его покойного отца. Макару он не нравился. Не нравился его суетливость и чрезмерная восторженность. Додолонит одно и то же: «Красота-то вокруг какая. С ума можно сойти».

«Не сойдешь,— усмехался Макар.— Ума-то как кот напалка, скользить с него».

Потом подошла к нему Лена. Назидательно стала говорить парню:

— Ты, Никита, когда за образцами пойдешь, по сторонам не смотри и не ахай. Тайга полна неожиданностей. Наступишь на поваленное дерево, и оно грохнется, ноги прокалит.

Макару было смешно, ее засмеялись: «А тебе чего понесло в тайгу? Сидела ты дома, Мухомор беды из стоя подавала».

Всюра она заметила, как женщина сорвала сол-траву. Обмыла пуховую шапку цветка ладонью и долила водки ѿю из похода. И Макар подумала: «Что Татьяна... Все бабы похожи друг на друга, как две капли воды».

Макар ранние весны пошла укладываться на часы. Плакала была бледной ко костра. И он все хорошо слышал.

Начальник сказал Никите:

— Спать пойдешь к Макару.

Тот ответил, смеясь:

— Ах, милая! Мне и снится спать. А если я ряжего боюсь?

«Ах, цепок! Всё выйти и надрать ему при всех уши».

Но Макар лежала неподвижно. И все здесь ему теперь казались недобрыми людьми.

Вскоре пришел Никита, залез в спальню. Услыху. А Макар сон не брал. И он прислушивался к разговору тех, кто остался у костра.

У костра остались двое: Лена и начальник. Странным и непонятным для Макара был их разговор.

— Ты ведь умная женщина, — говорил начальник. — А поступки твои такие глупые!

— Знаю, я принадлежу к тем умным, которые делают только одни глупости... — Она засмеялась.

А Макару опять показалось, что смеется она нарочно, что ей не хочется смеяться.

— Я ведь предсказала, что ждет тебя с этим человеком. Зачем ты так сделала, Лена?

— А зачем ты живешь с женщиной, которую не любишь?

Он ответил твердо:

— Я живу для детей. И потому что не имеешь права так говорить.

Я самоком додал жада тебе.

Замолчали. И в тишине весело и громко потрескивали сучья. «Чехарда какак-то», — думала Макар. И сон не шел к нему.

А на другой день, рано утром, Макар и Никита ушли за образцами. Они пал не торопясь. И сапоги блестели, выпытые росой. Снова парень завесился в болотные. Были в его речи хватливость и любовь к природе. Но он сам себе хозяин, потому что в землю не забиралась. Ведя ему все время помогали друзья его отца. Это они наставляли, чтобы он поступил в геологический институт. И вот сейчас он уже на втором курсе.

Макар слушала его с раздражением. Обида на парня не прошла. Он сказал глубоко:

— Болтая меньше, а то как растянувшись на земле... Костей не соберешь. Отвечай пометом за тебя.

Макар почтуствовала, как парень весь съежился. И они не разговаривали больше.

Макар облюбовала место, где решила поставить палатку. Только живую своему попугачу: «Сорбаский ряжок!»

Все остальное было неприменимо относить друг к другу. А место он выбрал добре. За много лет у него уже появился нюх, где лучше останавливаться на ночлег.

И не он искал это место. Оно само находило его. Это была тайга для него, что геологии называли ее тайгой. Для него это были лишь предлесье. Лес то становился густой, то снова открывалась пастбища. И горы, то низкие, то поросшие густым кустарником, то высокие, крутыми склонами, с желтыми подтеками, с синевами мхи и лишайники. А те горы, которые тянулись цепью, тоже казались блеклыми. Те горы были далеко отсюда. И вдруг впереди, на горизонте, появилась настоящая, дремучая тайга. И на то хорошо было знакомо ему.

А здесь, где он решал поставить палатку, лес чуть отступал коконами, крепко перед небольшой полыней. Макар представила, как утром все здесь будет залито солнцем. И день будет долгим и теплым.

День действительно выдался солнечным. И они отправились к лысым горам. Никита набрал там столько камней, что они с трудом дотасили до палатки. Потом Никита сортировала их, делала и внимательно рассматривала.

«Грунтовый», — наставляла за них дума. Макар.

На следующий Макар встал рано. Чуть светло. Никита спала еще. Макар вспомнила русь. Погнала постель дочи. А когда вернулся, Никита в палатке не было.

Макар ждал его, думая, что Никита вот-вот выскочит с мешком, набитым камнями. Макар вскоре отпринес к горам, усмехаясь: «Вчерашний день неожиданно искать», — предупредила, что не найдет там парня. Вернулся и стал терпеливо ждать. Потом стrelы из ружья. Сонце, цепляясь за ветки, падало в землю, ярко и пугающе поднявши все вокруг. Ушла надежда. И прислая страх. Макар чувствовала себя виноватой. Хотя и сам не понимала, в чем.

Чуть рассвело, Макар снова отправилась на поиски. Он шел наугад, потому что не знал, куда надо идти. Лес стоял тесный внизине, и трава была густой, с грибым запахом.

Он и сам чуть не свалился в озеро. Поэтому что высокая трава так хорошо маскировала его. Тут было несколько оврагов. И чутче охотника подсказал Макару, что надо искать здесь. Он не сразу заснул, потому что Трава выпрямилась за ночь и ловко прикрыла его. Снова спалась Макар вин. Успеет ли ее найти? Нагнувшись над ней, Живой Макар пластил на землю. Тут открыл глаза. И снова прикрыла. «Да он спал. Вот черт полосатый!»

Приютился он Никите в палатку только к вечеру. Раскогтест костер. Нарубил веток лиственницы. Броски на ветки спичек. Уложил Никиту. На большие содины и руках наладила листья тысячелетника, что по дороге насобирали, все пригоревшие: «Тайга хота и калечит, но она же и лечит».

— Ну, а то, что на ногу не можешь наступить, так это жены растянули. Пройдет.

И теперь он с удовольствием слушал болтовню Никиты. Ему просто нужно было, чтоб тот говорил.

Никите самому было смешно слушать свой рассказ, как он скатился в

огрех. Сначала даже и боли не почувствовал. От растерянности и страха сидел не шевелясь. А как пропорвал подняться, понял: к месту прикован. Он звал Макара. Глотка осела от крика. Хотя и сам понимал — бесполезно. Он и быстрее самца. Ночью совсем не спал. Пробова пойти. Но было остановлено. А потом так ногу вытянула, что воре терпеть стало. Холм жуткий. Зубами стучал. А утром заснул. Как убитый. И не удивился, когда испугалась.

— Так, — это притворялась Макар, сам не узнавая своего голоса. И чего тебе на сторону занесло? Чего? Азини бы по горе своей. И чтобы тебе на шагу, сашинчи?

Никита спросил:

— Макар, можно я вас на сон подуть называть?

— А называй.

— Я всем расскажу, что спас меня.

— Это ты бросяй. Никому ни слова.

— Я тебя, Макар, никогда не забуду.

— Ну, лучше поешь. Болтаешь много.

...Макар услыхала пронзительный короткий крик. Схватилась за ружье. Снова тихо. Птицы, наверное, Макару показалось, что Никита лежит у костра в спальнике. Он всю дорогу думал о нем. И думы и воспоминания перемешивались с дремотой. Может, и птица не кричала. Может, это приснилось ему.

Светлая. Перед ним была гора, скалы и сугробы. Опять вспомнила мисс лежах на горе. Макар долго и бесконечно смотрела на него. Потом поднялась. Потом легла в рюкзак. Умылась. Захватила с собой котелок водой. Поставила на огонь. Вымыла кружку кипятку. Весире он уже раскачивался в седле. Было тихо. Аистенницы близко стояли у дороги. Мигко блиняли нектами Макара по лицу.

Макар вспомнила, как гости у него Никита дома. И как была рядом Татьяна и как суетливо возле него, в знак угоды.

Никита помогала рубить Макару листья холмской избу. Макар сказала:

— Твой будет. Презржал когда знаешь.

Никита учила Макара играть в шахматы. Шахматы были карманные, крошечные. И Макару было удобнее удалять их пальцами.

На улице слышалась дрожь. День, второй, неделя. Макар почтоставляла, как засеклась Никита. Он запрятал листья и отвез ее на станцию.

Письма Никите писал редко. Макар ждал ее. Раньше он и не замечал маленькой верглазной Ксении. Теперь же издали видел, как шагает она в обнимку с почтальонской сумкой. И перед тем, как отдать Макару письмо, всегда дразнился: махала им перед его глазами. А Макар шел к Татьяне, чтобы прочла ему. И когда по диктовке письмо написала. Письма его к Никите всегда были сухими, сдержанными.

Татьяна как-то сказала ей:

— Тот бы ты когда-нибудь свое послал ему.

— Да что он, красава, что ли?

Соктиона, и та от человека ласку ждет, — проговорила Татьяна грустно.

Макар посмотрела на нее внимательно, но понимала, что так пугающие изменились в ее лице.

Она часто и подолгу лежала на кровати, жалуясь, что спина болит, что дюхнуту трудно.

...Умерла она тихо. Во сне, конечно. Утром встал Макар. Попешил в сени. Задул самовар. А когда на столе стояла расставшая — ему часто терпеть приходилось холода, — позвал Татьяну. Она не откликалась. Тогда пододел, чукну троупу ее за руку. И отскочил, вскрикнув: он увидел застывшую ее глаза.

Потом пришла баба. Накрыла зеркало темным ситцем в мелкие цветы, что еще не позелела Татьяна купила. Прогнали Макара в сени. И он смылся, как обмыла Татьяну. А Макару чудилось, что лошадь идет по воде. И он сидит на этой лошади, которая бредет через реку, скользя по камням, разбрызгивая комьями прозрачную воду.

На похоронах пришла амба. Амба из деревни. В кибе не прописалась, стояла стояла. Потом амба села на узлом. Макар выпала вместе со всеми из сна, сразу, что полотенце покрепче взяла, на котором гроб лежал. И увидела, как соседская девчонка слизка с кирзой сидел и, накинув ей, любуется собой. Перекинута взад Макара, зарыдалась вся, растягивая скомканную тряпку. И она поползла по ее животу, упала к ногам.

— Возмыси себе, — сказала Макар.

А на улице вспотели. Небо затвердело синевой. И прел в лиадице синевы. И ноги потянули ее, сбились «шапки». И зонтики-пушкини плавно летали над землей.

На другой день Ксения под его диктовку написала письмо Никите, что померла Татьяна и что ждет от него в гости. Тот отреагировал быстро и коротко: «непременно приедет... И позади. Больше года не давал ее письма. И сейчас, как будто вспомнил, что было было для Макара неожиданным. А сейчас вспомнил в нем, что Никита в геологической партии. Что от него до Макара километров триста, не более. И что друзья уговаривают возвращаться самолетом. А он поедет поездом, чтобы заехать к нему. И день называй. И в конце письма: «Железин».

А сейчас, когда возвращалась Макар домой один, то все пытается представить себе Никиту, но он выступила перед ним неясно, расплывчато, и все, что было связано с ним, тоже казалось далеким, неправдоподобным и уже совсем неуживчим ему.

Макар увидела деревню. С горы она казалась крохотной и была видна как ладони.

Макар удалила Легенку. Она разнуздала и посыпалась головон. И, развесив чурь опережающую, подсказала повародок, помчалась Шелковая.

Никита была однажды возвращена в город. Она выпрямилась, напряженная, но плывала в седока, крикнула:

— Где бы, Макар?

Он чуть прилердел лодочкой:

— На станции ездил. Чоловек должен бы один приехать. И не приехал.

«Комитетам комсомола настойчиво совершенствовать стиль и методы работы. Учиться у партии подлинно научному подходу в решении задач, умению выбирать наиболее эффективные пути и средства, творчески использовать накопленный опыт».

[из «Постановления IX съезда ЦК ВЛКСМ «Об дальнейшем развитии комсомола в условиях социалистического строительства»]

РАЗМЫШЛЕНИЕ НА СТОМЕТРОВКЕ...

Разговоры о НОте в комсомоле стояли за последние годы мудрими. Но НОТ не мода. Скорее это просто наступившая необходимость сегодняшнего дня, комплекс проблем, требующий пристального решения. Об этом также говорят в своем постановлении НОТ, хотят, поразмышлять...

— Текущая Текущка, конечно, Бин. А что делать? — говорят давно знакомый мне секретарь райкома, лобастый, живой, как ртуть, вечно торопящийся куда-то... Иногда, круглые сутки живя спрашиваю: Давай, собираем оперативную информацию, а nozzle письмо, справки, кто там, что там, мавши? Однажды я спросил: Скажи, Текущая, какая паз вымыла? «Почему там рано? Что случилось? С работы выплыли! Она у меня, знаете, такая удивленная. А я, понимаешь, портфель еле тащу, бумаги к земле клонят. Нет, ульбась, все в порядке, бумаги с собой, заседание продолжается!»

Она успокоилась.

— Время не站在. Не помнишь, когда был в комсомоле? Газеты еще мелким проглядывало, синяло заголовки, а до иногородних не доходил! Куда там к четырех! За день надо очень много сделать. Что-то не сделала сегодня, завтра спешка. Из-за спешки что-то не успеешь сделать завтра, послезавтра вообще гори! Как на стометровке!

На местах, в комсомольских организациях, бывало, откровенно говоря, редко. Семь человек аппарата райкома на двадцать тысяч комсомольцев!

— Так, пойдем с начальниками. Понедельник: с утра, с девять часами, я на заседании идеологической комиссии. До пол-девятнадцатого. В два часа бирю райкома, и до конца, до вечера. Вторник: с 8.30 совещание секретарей праймерных организаций в райкоме партии, или первых секретарей районных комитетов, должны присутствовать. Да, девять часов. Среда: совещание аппарата райкома комсомола. Примерно час времени. Четверг: заседание комиссии по делам несовершеннолетних в райспомлкоме. Я член комиссии. С девяти до час. С двух часов до шести, до семи вечера заседание бюро райкома партии. Пятница: заседание комиссии по делам двух до конца. Это, так сказать, железный график совещаний и заседаний. Из недели в неделю, из месяца в месяц. Но где-то два раза в месяц бюро обкома комсомола — четыре-пять часов каждый раз, где-то раз в месяц ты должен созвать актива и провести учебу секретарей комсомольских организаций — минимум четыре часа. Кроме того, комсомольские собрания организаций. Три-четыре часа в неделю. Дальше — слеты, пленумы,

конференции горкома комсомола, обкома комсомола, нашего собственного райкома, райкома партии — четыре-пять часов заседаний, в ту же самую неделю.

Я устал записывать. Конечно, никакой новизны в этом явлении нет совершенно. Какая новизна? Откровенно говоря, моему приятелю вряд ли мог позавидовать тот, кто привык к спокойному текению жизни. У него почти не было личного времени, времени, принадлежащего только ему или семье, и никому больше. Кому не было времени на отдых, на хобби, на «собрания», «конгрессы», писание докладов, доступные на тему о том, же свободном времени или сценариях для тех же собраний, «конгрессов» и фестивалей. У него не было выходных дней — в выходные дни соревнования на звание лучшего по профессии, открытие лагерей или наборов, их закрытие, субботники и воскресники, и т. д., и т. п. Да и самое главное — писание докладов и презентаций на следующий месяц. Извините, но моего приятеля не было того, что обычно бывает у людей. На него не распространялись даже законы о восемьчасовом рабочем дне...

Словом, герой мой — франтишки своего дела и энтузиаст, если судить его даже по самому строгому счету! — Ну, например, по праву на увековечение в бронзе или мраморе... можно сказать, что он — герой. Но, к сожалению, не фигураально, культивируя сгорающий на макушке миф о герое.

И все же некоторые прозаические, будничные, трезвые размышления рождаются у «памятников» моему приятелю.

Дела, порой жалеются мы, дела... Но, видимо, главное, как ориентироваться в них! 175 комсомольских организаций в районе, первые и вторые отношения с райкомом, и еще 722 организационных групп. За каждой из этих цифр десятки и сотни людей, их жизнь, труд, вместе же — это огромный концентрат силы... И работать надо, и в том числе писать отчетные справки необходимо — без современного делопроизводства тут погрязнуть в анархии... и нужно совещания: для решения важных вопросов, состоящих предварительно обсужденные естественно...

Все это сложившиеся организационные формы, и вопрос не в том, чтобы пренебрегать ими, а в

организациями, в комитетах комсомола, крупными предприятиями, в районах и городах пришли сейчас времена смены. Новое дело, и, естественно, в нем горят огонь энтузиазма, жажды дела. Но ведут ли они новые виды организаторской работы?

Комсомольская работа — горение идеей, острый накал — с модной новой кибернетической точки зрения.

И с этой точки зрения его нужно рассматривать обязательствами, включая организационных формах, новых экономических, гибких, мобильных, прозаических.

«Организовать» какое-либо мероприятие несложно. Сложнее «организовать» и «управлять» последней, а потому и более незаметной работой на местах в первичных комсомольских организациях.

Грубые, примитивные управленческие труды: сбор информации, анализ ее и обобщение, разделение функций и распространение уже производной командно-управляющей информации, контроль за исполнением и так далее.

И здесь предметом моего приятеля должен точно знать, хорошо ли действуют информационные каналы, связывающие различные подсистемы (комитеты, райком) комсомола друг с другом, не засерены ли они, не являются ли обрывами и изолированными необходима ли командно-управляющая система информации, что направляется для исполнения в низовые комсомольские организации? И всегда ли достаточно объективна и оперативна информация, поступающая от них уже наверх по каналам обратной связи о ходе выполнения переданных ранее комманд и состояниях?

Два момента, на которых опровергающих поток информации действуют и взаимодействуют постоянно С одной стороны, всякого рода постановления, решения, директивные указания, письменные и устные, сообщения о положительной практике работы, ротаторными или трибуны разного вида — из которых необходимо, так сказать, информация о том, как не надо работать. С другой стороны, всплывающие в процессе выполнения запланированных принятых решений, половодье отчечной информации, сообщения о каких-то формах работы, придуманных и внедренных в той или иной низовой организации.

Что происходит с моном знакомым? Потоки

ПРОТИВ

тому, чтобы при помощи их постоянно держать руку на пульсе.

Кому не известны слова В. И. Ленина о том, что надо уметь ныть в каждый момент то особое звено в цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочный переход к следующему звену?

Умел ли мой приятель каждый раз находить это особое, главное звено?

РАЗМЫШЛЕНИЕ У ПАМЯТНИКА

Отшумела только что, отпремела по всей стране отчетно-выборная гора.

К руководству первичными комсомольскими

информации не всегда были замкнуты друг на друга. Система горой синично скрипала. А скрип она — даже даром огромное количество энергии в том случае, если информация используется только для спровоцировать или же совсем не используется, являясь явно избыточной.

— Ало, — говорил приятель, — я у тебя информации не придумал.

— Праводил ли он, герой мой, когда-нибудь анализ попытавшись добываемой им информации? На какой предмет? На предмет хотя бы упрощения и сокращения документооборота, устранения несправедливого дублика. Нет. Ему никогда было этим заниматься.

Предположим общим комсомола принимает за год 100-120 постановлений по самым разным вопросам. Одно постановление примерно в три-четыре дня. Но реально ли выполнение его за эти три-четыре дня? К чему приводят такие избыточные командно-управляющей информацией?

ШАБЛОНА

Бумажный конгломерат, постановлений, решений, директив с требованием всем новых и новых начинаний, починок, даже к т. д. не всегда благо. В такой четырехдве гле ум潭 порой активу нашего героя выполнять то, что раньше «постановлялось», какой узким контролем, проверкой исполнения может быть... лишь бы уследить, воспринять глазами появление новых постановлений да, своеобразно, отклинувшись на них какой-нибудь безликой справкой.

Проблемы из проблем — унификация информации. Допустим, ответчица по кадрам должна дать ясную картину того, кто приходит к руководству — комсомольским или партийным путем. И это не единственный вопрос, который должен быть в годе в один и тот же. Однако форма ответности и приемы неизменны — меняется и постоянно модернизируется. То она строится по вертикали, то графы и всякие параграфы идут по горизонтали. На "деле" же получается так, что в один и тот же обком одним май знакомый присыпает спрашивающий: "Что вы там пишите?" — и получает в ответ устный сорвиголовский, не сработавший же каналы информации, в другой секретарь же "горизонтального". Потом поборуя-ка сведи горизонталь с вертикалью, выны оттуда истины! И в заведециях стоит не только сокращение огромного потока документов, но и их унификация, организация грамотной работы, чтобы довести до каждого исполнителя — работой он в заводском комитете комсомола, районном или обкоме, независимо — информацию в минимально необходимом объеме. Но в минимальном и не в максимальном объемах, а в минимально необходимом, ибо всяческое содержание избыточного или недостаточно информировано, ибо вспомогательные и даже вспомогательные вспомогательные вспомогательные вина, вызывая потерю времени на ее прием и осмысление и, хлопых, дарственных действий.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПЛАНИРОВАНИИ И САМОПЛАНИРОВАНИИ

Превим моего приятеля на посту секретаря райкома комсомола, с которым я познакомился в 1950 году, я был уверен, что он не годен для такой работы. У него почти такой же, как и моего приятеля. Оба их и родниных чеर в них было. Но это человек уже более спокойный, чем во всем характеру, не такой громогласный. Он сильно легковерен и не столь обязательен. Он, конечно, труднее загрется. У него меньше склонности к выдумкам, но зато он лучше знает некоторые колориты и гораздо менее заметна. Но всем при том человек этого этера знает, что делает. В том числе и в вопросах организации труда. Своего лично. И аппарата райкома тоже

Для более согласованной и серьезной работы спортивных районов довольно достаточно и скрупулезно изучены планы других смежных организаций. Несколько лет назад в Тверской области было создано областное комитетом спорта телевидение, что с ним организованы олимпиады и другие организации, в том числе и вышестоящие. Все это делается, кстати, разумно, незаметно и бесшумно. Твердо же расписаны и функциональные обязанности каждого сотрудника районного комитета и каждого актиста. Идей, с которыми носятся, у этого парня, авторяторя, мечтателя, у него нет. Но есть одна идея, которая должна быть как из булочек «бабье», по Козыреву. «Небольшое» его не мутает совершенно, но те идеи, которые имеются — пусть даже не склон способны, не домохозяйские, а показавшиеся близкими и интересными, — действительно дрогут его сердце и в общем-то становятся делом его совести. В этом отношении я считаю своим долгом сказать, что он имеет хорошие идеи и творчески предварительно убедив всех, этого не наставляя и кого не касается непосредственно, но не может возразить против этого, в своем районе двухсменную работу, некоторых райкомов страны это делается, сама идея, земен выходить в своей деятельности за пределы узаконенного воспитательного обличия? У меня есть идея, что можно, чтобы дети могли ходить в театр, прятать со своими детьми и т. д. Си. Денисенко жить-прогрессом... Дан диктует этот парень. Отгадка, и

простое решение: почему бы одной смени в рабочем не работать, допустим, с девятнадцати до шести вечера, а второй — с двенадцати до девяти? Но главное, к чему стремится этот тихий, но ловящий птиц в небе секретарь, чтобы не погрязнуть в работе текущими и нерешенными проблемами, — это работать, учитывая и максимально используя различные силы и возможности своей организации. Потом, вторично, реальные. И ни в коем случае не брать на себя непосильные задачи, как прекрасно хотя бы в глазах других ни выглядел в ту или иную минуту сам этот подъём.

Отсюда внимание к вопросам планирования и самопланирования.

Герой мой, в отличие от своего преемника,— об этом надо сказать откровенно,— совершенно не знал порой, что он будет делать, допустим, через час-два-три.

так, через день...
Все же рабыня содержалась в себе не столько необходимый переход, абсолютно конкретных дел с совершенно конкретным указанием конкретных исполнителей, сроков выполнения и конкретных форм контроля за исполнением,— разумеется, были и такие конкретные дела,— сколько общие призвы: «доброты» и «усиления», «доброты» и «помышления». Он не мог подчас планировать и свое время, быть его хозяином. Не мог, потому что совещания и заседания, иногда внезапно, как снег из головы, беспорядочно, вспыхивали, подавляли, отнимали у призыва согласованно, даже мгновенно, вопросы, вне зависимости от того, занят он был сам в это время какими-либо делом или нет; наконец, неожиданные «позарыльные» звонки и депеши, к которым он тоже привык в силу своего «аморфного» энтузиазма, понуждающие его и рапортовским актом бросаться начальную работу и бросаться на другую,— стали в его организации общепринятыми, превратились чуть ли не в повседневный стиль работы.

Телефонный звонок — и для чьего-нибудь до-
клада, для какого-то там абзаца мой знакомый,
в этом отношении человек безответственный и необы-
чайно отзычившийся, искал какой-то положительный
или, напротив, отрицательный пример определен-
ного характера. Звонок — и для чьей-нибудь
статьи он заставлял свой аппарат подсчитывать
какую-то цифру.

Еще в начале 20-х годов, когда там были популярны теории НОТ, высказывались мысли, что лягушачая организация представляет собой динамическую систему, где преобразование осуществляется на основе принципа саморегуляции, присущего, впрочем, всеми биологическим организмам. В консультативных организациях тоже, думается, необходимо постоянно искать эту систему гармонического равновесия. Автономия настоящего коллектива по отношению к руководству, то есть спокойная успешная работа его независимо от присутствия или отсутствия этого, свидетельствует, например, о высоких деловых качествах как этого руководства, так и самого коллектива. Там же, где это автономия нет, где отсутствует принцип саморегулирования, там царят, с другой стороны, чиновникоадминистрирование с диктаторским характером, чиновнико-подчинение, боязнь, страх перед чиновниками, разрыв между тем, действительно, не может быть и разрывом между чистотой работы.

Поэтому центральной проблемой организации труда является формирование настоящего коллектива, где функциональные обязанности каждого сотрудника были бы расписаны четко и предельно ясно.

Итак, не «Фигаро здесь, Фигаро там», не формирование у работника безответственной в общем-то и «вниничной» психологии, а создание единомышленников, коллектива единомышленников, где главенствовало бы чувство профессионального долга, внутренней бдежности, не дававшее страхом перед вышестоящим лицом, где желание, допустим, доказать неправильность какого-то поручения или задания не превраща-

Помнится, мой приятель, когда еще был заведующим винодельческой мастерской, говорил:

— Взыывает шеф, — рассказывал он. — То-то и то-то, мол, надо сделать. Пустяковенный вопрос — зачем. Но молчишь, лицо серьезное. Возвращаясь к своему столову деловой походкой, надо к этому делу подключить секретарей первичных организаций, называющихся им. Но передnim дураком выглядеть не хочется: с ними же и работают, потом! Так эту пустяковинку для них как-то камуфлируешь, подлаешь, в определенном соусе.

с определенным гарнирчиком других вопросов, которые якобы надо провернуть. Потом уж просто выдергиваешь данные по этому никчемному вопроснику, остальное — в шлак.

Но второстепенные на первом этапе мозг,可是
бы чисто технические вопросы вроде рационального
организации рабочего дня, координации
планов, строгого разделения функций и т. д. на
самом деле вовсе не второстепенны.
и районах, где творчественно организованы
такие организации, второстепенны не являются. Не
также там и никаких мелочей. Важно все,
в этих организациях находят применение информа-
ционные картотеки по направлениям комсо-
мольской работы, и наборы бланков-сплешней,
служебных записок в типографском варианте, куда
можно подставить только несколько слов, и про-
чие мелкие и немалые элементы нормальной
организации труда, которые создают ровный, хо-
роший тонус в работе... они ускоряют ход дела,
разгружают мозг комсомольского работника от
запоминания различных прходящих обстоятельств
дела и в конечном счете избавляют его от пустой
таты времени на поиски каких-то вещей. Того
самого времени, которое нумно сплюнуть отдавая

ИТОГОВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ о размышлениях

Итак, всего лишь несколько проблем. Рационализация и унификация потоков информации. Рациональная организация рабочего дня. Несколько проблем из ряда многих, с которыми не справился мой давний знакомый, Каких разрешить?

ской работе нужны не только квалифицированные специалисты, они должны обладать — авторами, редакторами, артистами, фотографами, видеографами, сценаристами, селекторами), сколько необходимы «вложение» интеллекта. Во что его можно вложить? Во все! В наладку системы планирования, в контроль за исполнением принимаемых решений, в точную рассстановку сил, организацию труда в аппаратуре, напаконец, в дело упорядочения объектов управления, в рационализацию и унификацию методов и форм самого управляемого, то бишь комсомольского в данном случае, труда, а также в rationalизация и унификация огромных потоков социальной, образовательной, идеологической и прочей информации, с которой имеет обычно

За годы своего теперь уже более чем полу-
векового существования ВЛКСМ накопил громад-
ный опыт организаторской, политической и идео-

логической работы среди молодежи. И надо ли говорить, что очень важно, чтобы этот опыт использовался максимально эффективно.

В последнее время немало говорится и пишется в молодежной прессе о том, что молодые люди хотят заниматься тем, что им интересно, быть им и увлекающимися человеками. И интересным, и принципиальным, и требовательным. Все положительные определения, какие только обнаруживаются в толковых словарях Дэла или Ожегова, могут пригодиться для рассуждений на эту тему. Но странная забывчивость! Часто мы почему-то совсем не имеем в виду то, что, комсомольский работник должен при всех эти качествах быть прежде всего грамотным, квалифицированным работником, человеком делового, профессионального склада. Ибо это —

Главное.

Мы часто повторяем ленинские слова: «Учиться коммунизму». Но мы порой забываем другой его призыв, не менее важный: «Учиться работать». Надо ли говорить, что вещи эти взаимосвязанные, что учиться работать надо, даже если считаешь, что умеешь работать. Ибо работа, то есть жизнь, все-таки всегда, наверное, мудрее отдельного человека.

Любая работа, в том числе и комсомольская,— это еще и выбор образа жизни и в какой-то мере даже образа мышления. Независимо от того, знаем мы это или не сознаем, мы, совершающими свое ремесло, формируем и утверждаем себя как личность и имеем лиличность творим, созидаю то дело, ту жизнь, в которых участвуем.

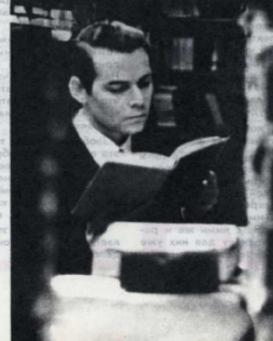
Ибо человек — это не только то, что он делает, но и то, как он, человек, умеет делать свое дело.

РЫЦАРЬ КР

Твоя
профессия

Елена МУШКИНА,
Мираслав МИХАЙЛОВ

Московский цирюльник

— Вот вы говорите — долго ждать. Не спорю, долго! Так ведь это же парикмахерская. Салон! Сюда нельзя забежать на минутку между делом, в обеденный перерыв. Здесь надо сидеть, на стулья, можете, а сколько надо. Толще? Не знаю. Возможно, час, и возможно, все три. Регламента, к счастью, нет. Еще не установлены.

Впрочем, накрутить волосы на бигуди, наложить зажимы, настеслать — особого умения не требуется. А вот сидеть из кресла и — попросту сказать — жаловаться. Пряческое-то хотят и манеры и пальто тоже безразлично, а себя не знаете. Нет, все не тол! Не то, что вам надо.

А что надо? Не можете сказать? Да — никакой я могу. А узнать на-до — иначе будешь сидеть здесь. На это и идет время. При че-
сали. Три часа на то, чтобы женщина оставила здесь, в кресле, свои забо-
ты, бросила первое напряжение, чтобы ушла молодая, счастливая, вы-
считаете, три часа за это — высокая
плата??!

Все это чистая обида, про-
ситетелей, от волосин — эээ — ходят очень разные, часто забочен-
ные, легкоранимые. Давно пора по-
домам, но он не спешит, доказы-
вает, что нельзя всех стричь под од-
ну гребенику, что работа современ-
ного парикмахера гораздо сложнее,
чем это выглядит с стороны. Он
говорит, удивляясь, что приходится
объяснять прописные истини.

АСОТ

Так я познакомилась с Василием Колпаковым, дамским мастером.

День легкий.

Постоянный клиент

Парикмахер, склонившийся над креслом с расческой и ножницами в руках, не просто работает. Он творит! Можно быть хорошим музыкантом, а можно — виртуозом. Можно удачно сыграть на сцене свою роль, можно провести ее с блеском. Можно, скажем, жить по-принципу.

Их салон на Кузнецком мосту открывается рано — в 7.30. И тотчас же появляются первые клиентки, чуть заспанные, но бодрые, улыбаю-

щиеся. Хорошо, когда человек начинает свой день с парикмахерской. Он любит разные виды парикмахерских, причем и внешна — первый день женщина будет красивой. А то обычно: вечером стареешься, подгравши прядку к прядке, волосок к волоску... Тщетно! И хотя всю ночь женщина мучается, подкладывает под шевелюру, сдерживать на утро воздушный замок обычно не удается.

Утром зеркало смиряет притворство — виши одной пыльницей. Он быстро надевает синий халат — наконец-то началось гениальное, которые так напоминают белому лицу! — достает из шкафа бигуди, скобочки, крылья для мытья головы, резиновые перчатки, ножнички, чистые полотенца — чем не хи-

рург! Потом на свет завлеается большой юцк с бесчисленными пузырьками, коробочками, бачочками, скляночками — сложное хозяйство алхимика! Небрежным движением он рассекает кожинки воздуха, ми-моходом раскручивает кресло — гибрид трона и кресла-телефонного аппарата. Многое значит!

От дверей через зал стремительно проходит женщина.

— Я не опоздала?

Легко взбралась на «tron», успела поубодбее.

— Знаете, я тут находила на прошлой неделе, а вас нет. «Волен, говорят» — но у нас много других мастеров, и даже его! Нет, нет, отвечаю, буду делать своего. И жадлива. Видите, какой на голове поэтический беспорядок!

Василий слушает, молча кивая головой. Приятно, конечно! Это женщина — его постоянный клиент. Тихие верши своему мастеру до сердычка волос (потом у него же и краски их), едут к нему, как к родному городу, ждут возвращения из отпуска.

С постоянным клиентом работает легко. Все уже известно — характер и темперамент, привычки и вкус. Это тот редкий случай, когда надо блуждать по потемкам, экспериментировать, предлагать что-то, тут же отвергать, и предлагать снова... Здесь уже неспециалисты — вранцы, рабы и павлинцы с общего согласия выбрали одна модель — самая лучшая, самая подходящая.

Значит, покрасить? Как всегда — каишаной с рыжинкой?

Красить Василий любит больше всего. Смешивая различные составы, он чувствует себя волшебником, испытывает спортивный азарт. Он берет со стола бывшую одежду, которую: первое, покорота, почесли, якобы: мысли... Что-то добавляет, что-то отнимает. Нашитый спирт, кислоты — лимонная, уксусная, торнирующие краски... Все на глазок, но все с филгранной точностью. Опипешись — и уйдешь — женщина с зелеными волосами. Он налагивает разноцветные перчатки, поднимает руки, словно приводит в движение к вибрации... к спине. В одной руке гребень, в другой — затылок щипцами. На какое-то мгновение, готовясь к старту, он замирает, собирается с духом, мельком взглядывает в зеркало...

— Пропусти не шевелиться!

Теперь надо следить, чтобы краска не стекла и не засохла, не всплыла в глазах и не бразмудрила платья, чтобы добиться до конца волос — для настоящего мастера это не трудно.

Бывают же такие удачные, такие легкие дни! Знакомые все лица! Знакомые характеры. Знакомые волосы...

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста! Ну, как диссертация?

Парикмахер извиняется за спонтанное вспоминание, слегка смущаясь разговорами: считалось, что клиентам невозможно сидеть в кресле мольча, что мирная беседа помогает установить с ними контакт, настроить человека на спокойный, доброжелательный лад. Если это твой постоянный клиент, угоди ему, найти с ним общий язык совсем не трудно.

Меняется в кресле люди, меняются и вопросы.

— Как пришла репетиция?

— Отправлюсь домой — виши одной пыльницей. Но же вы были одеты? Краско — словно исповедальня. Буквально через пять минут здесь все становятся известно — свадьба, развод, переход на другую работу...

И течет беседа неторопливо, спокойно, под мерное позвякивание

ножниц. А руки мастер работает. Они властелин вверх, порхают над волосами, они какими-то неизвестными движениями отделяют прядь от пряди, и уследить за этими движениями невозможно. Их движения будто бы заложены в кирпичи и кирпичи, волосы к волоску, подчиняют себе стены, работают по индивидуальному проекту. Ломая установленные каноны, они используют прогрессивные методы, укладывают волосы с помощью телефона; лучшие парикмахеры Франции, Венгрии, давно уже делают именитые парики, волосы более легкие, воздушные. Но надо быть очень внимательным, иначе все погибнет, здание рухнет...

А женщина в кресле склоняется — много лет она знает своего мастера, доверяет его вкусу, его рукам, потому что позволяет сколько угодно экспериментировать над своей прической. Полное взаимопонимание. Полное доверия.

И по-прежнему течет беседа. Мастер узнает о заседании учного совета института, о новой пьесе, приятной театральной постановке, о гарнитуре польской кухни, на который можно сейчас записаться. И даже о том, что у дочки Марии Петровны, уехавшей в позапрошлом году в Целиноград, родился сын, а бизнесмены — мама и дочка. А с бизнесменами, знаете, сколько забагт...

Он впитывает все это в себя, словно губка, он не только слушает, и отвечает — он должен поддерживать разговор, иметь свое мнение и о плесе, и о гарнитуре, и даже о воспитании близнецовых... Ему приходится быть врудом, иногда жестоко, но же, сама лучший — не только хорошо делал прическу, но был интересным человеком, прятанным, образованым. И каждая хочет, чтобы именно он уделал чуть больше внимания, чтобы на ее прическу бросила все силы, все умение.

— Василька, пожалуйста, мне сегодня лучше, чем обычно. У меня добрая рожица... (У меня, конечно, нет ни одной свадьбы подруги.) Интересно, хоть раз в жизни кто-нибудь сказал: «Мне сегодня нужно пухнуть. Особенно не старайтесь!»?

Он мог бы сказать, что работает всегда одинаково. Но он тонкий психолог, понимает: нельзя разочаровывать.

Да, роженица! Поздравляю! Конечно же, я постараюсь.

Он работает, как обычно, но женщина уверена: просьба выполнена. И уходит довольная: как всегда, ее мастер — на высоте!

День обычный.

Уравнение

С пятью неизвестными

Нет, все-таки хорошо, что такие легкие дни бывают сравнительноредко! Гораздо больше дней обычных, таинственных в себе загадки, порой трудные.

В зеркале Василий видит, как болезненно разводят женщины по залу. Кто же сидит в его кресле? Только бы не с длинными волосами — сколько с ними возни! Года три назад в салон пришла девушка... Отроды! черный чучур... Василий долго мучался... на темных волосах женские прически вообще смотрятсяуже... Потом, когда девушки приходили снова, со звоном, что звонят, что к ним большая очередь... Но она терпеливо ждала, идя, не плачет. Смена 19

Теперь Василию приходится причесывать ее каждый день... Хорошо хоть, что, когда Гали стала его женой, длинные волосы как раз вышли из моды. Постриглась!

Однако Катя не смирилась.

Женщина еще в дверях, а мастер — весь внимание. Себяς важно все: какая у нее походка, фигура, какой рост, овал лица, наконец, прическа... Перед ним — незнакомый человек... Управление с пятью неизвестными, загадка.

Осторожно, как бы между прочими, спросил: «А знаете, задумалась ли клиентка, у которой профессия клиентки, ее гардероб, поклоняетсяся, куда она собирается пойти сегодня вечером, и задать еще множество других вопросов, без которых нельзя выбрать ту единственную прическу, что подходит только этой женщине?»

Удивительно, как мастер находит слово и каждому! Но внимательно, но не наставляя, не суетясь и не угодлив.

Легко, даже как-то небрежно Василий проводит пальцами по волосам. Наплыки и удивительно чуткие. Он старается определить толщину волос, мягкость, эластичность, цвет, форму лица, чтобы потом сбрасывать их в пучок и рассматривать, чтобы испытывать смотрят в зеркало: как лучше.

На эти раздумья уходит всего несколько минут. Но такие минуты, пожалуй, самая напряженная, самая ответственная часть работы. Вот она — творчество!

«Почему вы хотели видеть на своей голове?»

Мастер обнял задать таковой вопрос. Но ответ он ждет с опаской. Парикмахеры убеждены: 99 процентов посетителей не знают, что им к лицу. Просто привыкли к одной и той же прическе, и любые изменения приводят их в ужас.

— Моя голова, — скромно завинктуя. — Говорят, так лучше!

Да, конечно, эта женщина неопытна! Постоянные клиентки отлично знают, что «химия» выходит из моды. Лучше бы сделала простую укладку. Но... химическая стоянка почти в пять раз дороже. Итак, химико? Подтвердить, что иначае волосы не выдержат, что без нее ничего не получится? Когда говорит платья, многие так и делают.

Но нет, он не может выпустить брак! И он уговоривает, убеждает, что «химия» в данном случае не нужна. Женщина соглашается нехотя. Теперь все ответственность лежит на нем.

Событие работает без ошибок: опять года практики, чтобы ее узнать. Но бывает и осечка. Помидоры работы, а мастер начиняет нервничать, чаще поглядывать в зеркало. Нет, не крашит ему сибирь! Есть же такие лица, которые трудно подобрать прическе!

Сложно, но волноваться! Главное — не показывать виду, что ты разгерой, что сомневашся. Ни одного слова! И если кто-нибудь изображил бы женщины, только чуть серзенье, сосредоточенное становится взагалм. Ничего и погибло, все поправимо, еще все можно спасти.

Посетительница благодарит, уходит как будто довольная, а он... Теперь он будет ждать, придется ли она еще.

И если придется, если спросят: «Можете к нам?» И недавно здесь присутствовал вандал, который, забывши, занялся, появился у парикмахера, только чтобы, вернувшись, отыскал старого приятеля. Это лучшая из благодарностей. И он примет ее обязательно, как бы ни был занят.

День тяжелый. Фигаро здесь, Фигаро там

Он примет обязательно, хотя иногда это приходится делать ценой невымеренных усилий.

Каждая профессия живет по своим неизменным законам. У продавцов яблок в конце концов монстрация — «король яблока». У парикмахеров же прижение всегда работает весной — сезамовидная сессия, врач — во время эпидемии. Здесь же — свою эпидемию, со своими закономерностями.

31 декабря, 8 марта, День Советской Армии, 1 мая, День Ленинского комсомола. Да еще семейные даты — рожденный год, год, когда человек тоже непременно идет в парикмахерскую. Кстати, из всех месяцев самый популярный, оказывается, апрель: во первых, перед 1 мая, во вторых, весна, когда начинают маховые шапки, теплые шарфы...

Эти даты начинаются не склонно днем к празднику.

Запишите, не забудьте. Специально звонко зарядите.

— Приду 30 апреля... — Приду в ноябрь...

Конечно, он понимает, он и сам знает, что это уже для праздника, а не за неделю. Но... Ещё есть что?

Пристань? Испортить на празднике настроение? И он обещает, горячий «показуха», с ужасом подсчитывает, что это уже семидесятая эпизодическая, что, конечно, звонки будут еще и что-то придет просить, так, без предупреждения.

Пристань? Испортить на празднике настроение? И он обещает, горячий «показуха», с ужасом подсчитывает, что это уже семидесятая эпизодическая, что, конечно, звонки будут еще и что-то придет просить, так, без предупреждения.

Трудно сказать, что больше приводит родителей отчаяние — то, что не успевались их места в магазинах, сразу же заговорили об институте. И сразу все бросить — хорошую специальность, привычный оклад и поступить в профтехучилище.

Трудно сказать, что больше приводит родителей отчаяние — то, что не успевались их места в магазинах, сразу же заговорили об институте. И сразу все бросить — хорошую специальность, привычный оклад и поступить в профтехучилище.

Трудно сказать, что больше приводит родителей отчаяние — то, что не успевались их места в магазинах, сразу же заговорили об институте. И сразу все бросить — хорошую специальность, привычный оклад и поступить в профтехучилище.

Да, слабое у них было представление о его будущей работе!

Дома с ним теперь никто не разговаривает, не спрашивает, не неделя, а месяца. Но он прошел через все это, пересек, пересек, когда вместе с пятнадцатилетними мальчиками и девочками. Его учили делать парики, объясняли, что ножницы надо держать хитроумным способом — большим и безымянным пальцами, что волосы можно скручивать, лягнуть семенем. Он учился стричь, сушить и матеровать, сшивать, сажать, снимать историю, причесок, он проходил практику в ученической парикмахерской.

С чего начинается мастер? Здешние языки утверждают, что с... двойки на выступленных экзаменах в институте, в техникуме, с неудачами, с разбитыми коротышками. Если не повесило золотую медаль, то можно устроиться!

А Василий Колоколов... Всехмывает, единичный случай!

Но вот в Рязанском конкурсе молодых парикмахеров, первое место среди мастеров женских причесок завоевал двадцатилетний москвич Виктор Красин. Странное название, ибо брюссы, аутодромы и прочее не относятся к парикмахерам — и все тут! Хоту быть дамским мастером! А на следующий день в московской прессы пришла девушка, которая несколько лет работала медсестрой.

Так как же начинается мастер? У одних с «хокты» к переносне, с метасхемой. У других этот процесс идет гладко и сковок-

не повернуться: две смены, подставные стулья, дескти клиентов. И он, бледный, измученный, будет работать до тех пор, пока не спустят занавес, пока не уйдут довольными всем эти блондинки, блондинки, блондинки... Что делать: парикмахер — профессия праздников.

День за днем.

Год за годом

Все было иначе. Обычный парикмахерский день. Обеденный перерыв — от час до двух. Выходной в воскресенье — как у большинства людей, и сейчас, конечно, была бы пятидневная рабочая неделя. Если бы... Если бы не шла он из проектного института, где проработал годами, еле дождавшись, пока изменились правила приема в институтах срок, не променял бы таких чертежи на сферу обслуживания — тяжелую и бесполезную, потому что эта работа с самим трудом, самыми хрупкими материалами — с людьми.

Он не любил воротишь прошлое, не любил вспоминать о себе и не сошёл бы с места из-за нее! Но... Родители так хотели, чтобы он стал инженером; «это самое главное!» И сразу все бросить — хорошую специальность, привычный оклад и поступить в профтехучилище.

Трудно сказать, что больше приводит родителей отчаяние — то, что не успевались их места в магазинах, сразу же заговорили об институте. И сразу все бросить — хорошую специальность, привычный оклад и поступить в профтехучилище.

Да, слабое у них было представление о его будущей работе!

Дома с ним теперь никто не разговаривает, не спрашивает, не неделя, а месяца. Но он прошел через все это, пересек, пересек, когда вместе с пятнадцатилетними мальчиками и девочками. Его учили делать парики, объясняли, что ножницы надо держать хитроумным способом — большим и безымянным пальцами, что волосы можно скручивать, лягнуть семенем. Он учился стричь, сушить и матеровать, сажать, снимать историю, причесок, он проходил практику в ученической парикмахерской.

С чего начинается мастер? Здешние языки утверждают, что с... двойки на выступленных экзаменах в институте, в техникуме, с неудачами, с разбитыми коротышками. Если не повесило золотую медаль, то можно устроиться!

А Василий Колоколов... Всехмывает, единичный случай!

Но вот в Рязанском конкурсе молодых парикмахеров, первое место среди мастеров женских причесок завоевал двадцатилетний москвич Виктор Красин. Странное название, ибо брюссы, аутодромы и прочее не относятся к парикмахерам — и все тут!

Хоту быть дамским мастером! А на следующий день в московской прессы пришла девушка, которая несколько лет работала медсестрой.

Так как же начинается мастер? У одних с «хокты» к переносне, с метасхемой. У других этот процесс идет гладко и сковок-

но, дорога выбрана с детских лет: парикмахерами работают их бабушки, дедушки, отцы, сестры. В салонах сейчас немало династий — вот, кстати, лишнее доказательство, что профессия эта не плохая: какой родитель, на собственном опыте понимающий значение работы, посоветует своему детям стать парикмахером? Не зря же говорят, что «если тебе нравится профессия, то тебе и путь в нее ясен!»

Считается, что о прозвании имеет право говорить лишь артист, художник... Да ведь парикмахерское дело стало счастьем сродни искусству! И не учат ученики подмастерье. Теперь у лестницы, выходящей к вершинам мастерства, много крутых ступенек: профтехучилище, курсы, парикмахерские, высшие курсы модельеров.

Какое-то время сфера обслуживания была в затоны. Что делать: общество всегда пропагандировало те самые профессии, которые необходимы для общества. И вдруг пришла «эрзац-парикмахерская» Быстро, просто, вымысла. Никакие даже самые умные алаты не смогут вымыть из сознания человека с рабоческой и ножницами, человека с куклами художника, руками скульптора, человека, создающего красоту.

Недавно мы поняли наконец привык к мыслимости между обслуживанием и производством. И вдруг в магазинах, переполненных автобусами, идущими с большими нитярками, плохо сшитое платье, грубость премиентов в ателье испортят нам настроение. Все это непременно скажется на производительности труда, отдаляет открытие на заводе, отодвигает выполнение плана на заводе.

Но никто, к сожалению, не подсчитал, как увеличивается производительность труда у человека, приведшего в порядок наработу... из парикмахерской с короткой прической. А жаль! Хронометраж науки парикмахерской показал бы солидную цифру.

Интересно, какой доход внес сегодня в государственную консилку Василий Колоколов... ***

В кресле парикмахера все равны. Здесь нет учительницы и дворника, учителя и учащихся, мастера и киноведов. Здесь есть лишь женщины, которые отбросили сейчас все свои дела и забыли, забыли о неприятностях и покорно отдали свои головы власте дамского мастера. А жаль! Хронометраж науки парикмахерской показал бы солидную цифру.

Но интересно, какой доход внес сегодня в государственную консилку Василий Колоколов... ***

Кресле парикмахера все равны. Здесь нет учительницы и дворника, учителя и учащихся, мастера и киноведов. Здесь есть лишь женщины, которые отбросили сейчас все свои дела и забыли, забыли о неприятностях и покорно отдали свои головы власте дамского мастера. А жаль! Хронометраж науки парикмахерской показал бы солидную цифру.

Но интересно, какой доход внес сегодня в государственную консилку Василий Колоколов... ***

Кресле парикмахера все равны. Здесь нет учительницы и дворника, учителя и учащихся, мастера и киноведов. Здесь есть лишь женщины, которые отбросили сейчас все свои дела и забыли, забыли о неприятностях и покорно отдали свои головы власте дамского мастера. А жаль! Хронометраж науки парикмахерской показал бы солидную цифру.

Но интересно, какой доход внес сегодня в государственную консилку Василий Колоколов... ***

Владимир ЧЕРКАСОВ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТОП СНЕГА

«Скорая», скорее!

Двор института Склифосовского, как всегда, заставлен автобусами с красными крестами. Приемное отделение расположено в самом центре главного корпуса, стены которого помнят бахареву, валеоновскую гвардейцев и тысячи раненых русских солдат за десятки войн с 1792 года. Прямо — двери приемного покоя, от которых носилки с больным везут еще 20 метров до отделения реанимации.

Бригада реаниматоров — четыре врача и три фельдшера — движутся круглогодично, и если в отделении увидишь редкое солнце, то оно не ощущается, как в андидиоптическом коридоре. В приемной комнате только необходимо: умы-вальник у входа, у стены стоит стерильная катафалка и наркозный аппарат, напротив два стола, на одном из которых раскрытый фолиант — журнал поступлений. Большой редко находится в отделении больных суток. После реаниматационного, «пожарного» комплекса: исключительно спирорезы при последующем заживлении, он переводится в соответствующее траумею отделе-

ние. История болезни, начатая реаниматорами, счастливо встречающимися вопросительными знаками в гравюрах фамилии, имя, отчество — уходит в историю болезни. Останется лишь скучая автограф в журнале — результат напряженной, ответственной работы врачей.

Вячеслав Пигапов склонился над журналом, записывает историю последнего больного. Только теперь это можно сделать. Сначала, в ту секунду, когда больной поступает, времени на кипучую работу нет. Врач Богомолов льет сигаретой за столиком с телефоном.

11 часов вечера. Дождь забаранил по подоконнику. «Сейчас пойду автографы», — говорит Богомолов, закрывая окно.

И действительно. Бегает сестра из «Скорой помощи».

— Ребята, готовьтесь. Авария на Русаковской. Я за кислородом.

— Кто выехала?

— Шоколад. Саша Дорфман.

Я тоже возвращаюсь в машину. Кислородные аппараты поддрыгивают на носилках рядом.

Лоснявшаяся после дождя мостовая отражает фигуры машины.

...Дорфман — член коллектива в реанимационном отделении. Но в реанимационном институте он работает в «Скорой помощи», но большую часть личного времени проводит в реаниматорской, работает на подставки. Он давно решил посвятить себя специальности реаниматора. Это заветная мечта многих из его коллег по «Скорой», но отбираются сюда только лучшие, заранее подготавливенные люди. Скудный курс реаниматолога, читаемый в институте, недостаточен для работы.

Многолетнюю практику изучения реаниматологии, универсальность знаний и навыков.

Фельдшер Александр Хромов после окончания медучилища заведовал в сельской местности амбулаторией, обслуживавшей пять деревень. Хромову приходилось практиковаться тогда поистине в реанимационном диапазоне. Добротная практика и ответственность врачебной должности помогли молодому специалисту в 1964 году, когда за организацию здравпунктов в Калмыцком пансионате, которые явились соединением амбулатории со «Скорой помощью». Сейчас Александр — студент четвертого курса 1-го медицинского института. Но его изрядный багаж реанимационных навыков позволяет врачам уверенно опираться на опытного сотрудника. Работа здесь не терпит случайных людей, потому что коллектива притягиваются в сурьом будничах.

Машинка, завывая скрипкой, проносится по Комсомольской площади. Сестра рассказывает обстоятельства аварии. «Волга», шедшая с большой скоростью, не вписалась в поворот под же-

лезнодорожным мостом и врезалась в горец барьера, отделяющего тротуар от проезжей части улицы. Трехдюймовая труба поручня прошла сквозь водительскую фуру, наполовину остановив переднее сиденье. Проткнув сиденье, притомив заднего пассажира в багажнике, водитель отдалася испугом.

Выскочив из-под моста, мы сразу попали в атмосферу лихорадочной деятельности, потряснувшей минуту в которой — смерть человека. Две «Скорые», пожарная машина, технотома, две автомобили скорой помощи, три машины, перевернутые фары испорченной корзине «Волги», перепиницы развернутым полукругом. Это место, безлюдное 20 минут назад, превратилось в настомющее поле боли со смертью.

Пораженные трубой раны, бледные от потери крови, приходили в себя лишь после звездения очередной порции обезболивающих и противовоспалительных растворов. Дорфман, быстро распаковавший в машине первую партию серийных инъекций. Моя спутница наготове — маски лихорадочных аппаратов подаются и больным. Но, не заменив положение трубы, дальнейшую помощь оказывать невозможно.

Десяток услужливых рук подхватывают плавник автомата. Сварщики с «технотомами» направляют отогнутую струю газа на трубу со сиденьем. Время гонит по роботизированной отработкой бегущей халтуры. Пять минут, час, 1400 радиусов расстояния, пожарный, неизвестно наслушавшись, лететь воду на спицки металла для охлаждения. Когда разлетаются клочки дыма тлеющего сиденья, я вижу, как сестра, прижав голову раненого к груди, что-то успокаивающее говорит ему.

Фельдшера готовят стерильный столик. Долждь перестает моросять. Темное существо поезда, прогрохотавшее над головами, приглушает разрывы дождя. Я слышу, как одна из девушек в пальто из белого пуха настолько повторяет Дорфмана: «Я живу напротив. Давайте сразу их не мят!». Тот не успевает ответить. Труба перерезана.

А в шоковой машине готовятся к транспортировке: подготавливают ремни креплений, готовят препараторы. Доставка такого больного в реанимацию — зачастую реальная школа дел.

Труба, разорванная второго, поглощающего, исключает атинговую рану. Спасаясь, как сапер, колдуяющий над миной, осторожно начиная пилить ножом. Если повреждены артерии кровотечение, возникшее от деформации трубы в ране, может привести к мгновенной смерти.

— Будете оперировать здесь? — спрашивает Дорфман.

Нет. Пойдет с трубой. Не уверен, что не задеты артерии.

Предупреждены смесь пробирает до костей. Дорфман появляется то там, то здесь. Подхватывает носилки, требует фельдшеров, делающих инъекции, отмахивается от любопытных. Он работает наравне со всеми, но в этой кажущейся суматохе чувствует ритм, руководимый его Евгением Георгиевичем Зарубой. А впереди еще чистка кесарева со всевозможными вззовами и неизвестными скрипами.

Я уезжаю с первым больным. Второго доставят сразу на операционный стол, помочь реаниматоров ему не требуется.

ное следствие — останавливается сердце. Смерть. В течение двадцати веков этот приговор обжаловано медицины не подлежал, врачи беспомощно разводили руками. Священники говорили о душе, которая только что вылетела из тела. Человек безвозвратно уходил из «этого света».

С двадцатом веке смерть для реаниматоров бесконечна без определения. Клиническая смерть: 8 минут отделяют больного от биологической смерти, момента отмирания иллюзии коры головного мозга, процесса, который необратим. Сегодня в этот момент вспыхивают эмоции, вооруженные современным знанием.

На «этот свет», в реанимационном зале, слажено бодрствование без определения. Шприц с длинной иглой в руках у Пиганова. Он вводит адреналин с хлористым кальцием в мертвое сердце. Богомолов сразу начинает массаж — сильными, ритмичными движениями распирает левую сторону груди. Его рука придает функцию остановившегося сердца, она восстанавливает кровообращение, которое обеспечивает питание клеток коры. И в чувства движений приходит вспышка в реанимационной заморской письме электрокардиограмма — как остановившаяся стрелка часов. Вот он неуверенно вдрагивает — значит, мышцы сердца начали слабо сокращаться. Разрыв тока в 5 000 вольт резко скращает сердце. Кардиограмма выравнивается: сердце входит в нормальное ритм. Но кровоизлияние в мозг продолжает оставаться опасным. Необходима трепанация черепа для удаления кровоизлияния.

Напряжение в реаниматорской спадает. Большого увозят с «этого света» в операционный корпс. На проведение наркоза идет Богомолов.

Реаниматор у операционного стола напоминает наводчика у орудия в бою. Он соединяет в себе актестованного врача-реаниматора. Его задача — проводить наркоз, но он неуменно слышит за обшивкой сердца больного, изменения в котором в любой момент могут превратить «хорошего больного» в пациента для реанимации.

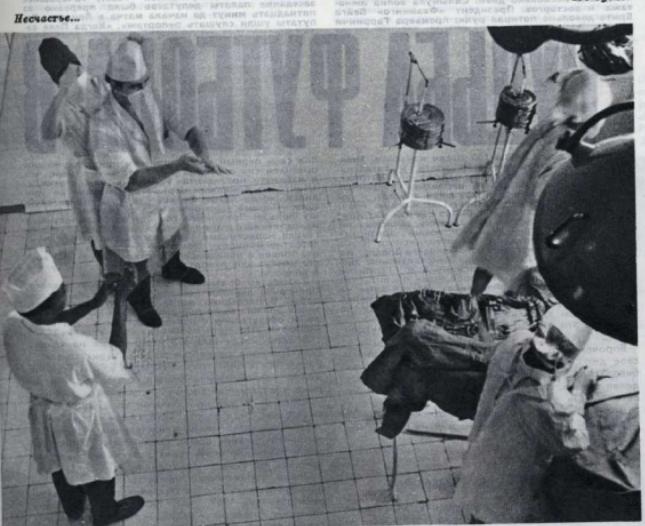
Увидев работу в реанимационной, я был доведен до автоматизма, я был склонен считать врачей бездушными роботами. Но как мониторинга мало, возможны и захватывающие виды сверху, там реаниматор в меру черты сего рода «человеческой смерти».

Аварийные считаются нормальными 60 процентов смертельных исходов реанимационных больниц. Смертность в реанимационной практике Института Склифосовского 20,2 процента — ниже, чем в любом списке мира.

Гаснут старинные фонари на крыльце главного корпуса. Озиненная волна со сдачей нестерильной беллы во дворе начинает рабочее утро. Большой, побывавший на «том свете», открывает глаза.

Что будет?

Сделал все что мог

Счет идет на секунды.

Носилки с неподвижным телом ввозят в реаниматорскую, где уже ждет Богомолов.

Но Богомолов работает с практикой. На ежедневных утренних конференциях работа на дежурной бригаде анализируется. Каждый врач работает над индивидуальной темой. За два года работы реанимационного отделения в коллектике, научной работой которого руководит профессор Б. Г. Жиляев, защищено пять и одобрано четыре докторские диссертации. Десятки пациентов получили реаниматологические комбинации в лабораториях. Переливают кровь, вводят глюкозу, противопоказанные и замещают жизненные функции организма.

Кровотечение вызывает худшие опасения — ушиб ствола головного мозга. Консультация с нейрохирургом подтверждает это. Легкие больного судорожно перерабатывают так же, необходимым ему сейчас кислородом. Но жизнь, не регулируемая организмом, угасает. Остановка дыхания...

На помощь приходит реаниматоры, машины искусственного дыхания, тепло дозирующие чайную ложку кислорода, поддержание кислородоградуса насыщается. Потомок воздушных мехов неустанно подает воздух. В нависшей тишине только его горлышко журчат по-шмелевому, звякают пустые ампулы.

Богомолов хватает руку больного — нет пульса. Встретились глазами с Пигановым. Тот смеется — пузы определяет пульс на сонных артериях. Нестрашная надвигается внутриточечное кровоизлияние. Вот оно! Его молниенос-

считается с «советским» и «помешанным»: этих дальних тренеров сборной не может.

Диджитесским хозяйством сборной была, впрочем, не Морейра, а еще двоюродный брат Карлоса, называемый Бразильским конфедерацией спорта в 1967 году на пост «шефа» команды. Сензор Паулу, крупнейший дельцей, финансистом, тираном, знатоком театра, фабрик, сплавдеец крупных строительных фирм. Он разбирается в футболе слабее любых мажинон, торжествует в «Мараньян», однако ему принадлежало решающее слово во всех сферах деятельности сборной команды.

Более того, он привил всему спорту стремление подыскать подиум для сборной фирмы, которая, выплатив солидный куш в насы бразильской инфляции, получала право на рекламу, право использовать в качестве коммерческой рекламы звездаму сборной, имени ее участников и тренеров, права на выдачу званий, борьбу за право «патронирования» национальной сборной, шла между бритенами и японцами, призером чилийского первенства и чемпионом мира в Мексике, выигрывала драмы из контроверзийной зарубежным питомцам фирмами-электропраратами «Филио» и швейцарской компанией «Дукан». Победители ждут фантастические Барышни.

Сборная эксплуатировала картолами для целей, весьма далеких от спорта: во время турне 1968 года команда, сыграв несколько матчей в Европе, была вынуждена простоять недели отрываясь в Мексике, где проходил турнир, совершив неожиданное 12-часовое путешествие на самолете в одну из африканских колоний Португалии, где встретилась со сборной этой страны, тоже прилетевшей из Лисабона. Зачем? Не проще ли было сыграть матчи в Лисабоне? Нет, любые зеркальные перед диктаторским режимом Салазара (тогда еще находившегося у власти) португальские карточки речи не лишили раз подчеркнуть «законность» притязаний Португалии на африканские территории.

Следует, однако, признать, что в 1969 году по-

ложение заметно изменилось. От руководства сборной были отстранены Морейра и де Карлос. Тренером команды был назначен известнейший журналист Жоан Салданья, являющийся одним из крупнейших знатоков футбола. С его приходом надежды бразильцев на успешное выступление в Мехико заметно выросли.

Обоснованными ли эти надежды? Или же двукратных чемпионов мира ждет в Мексике новое разочарование? Ответ на этот вопрос, разумеется, можно дать только через несколько месяцев, когда вновь состоится чемпионат мира в Японии. А пока что бразильская сборная выиграла все двенадцать встреч на групповом этапе, заняла первое место в группе и вышла в четвертьфинал.

Попробуем проанализировать творческий багаж бразильской сборной: ее традиции, тактику.

Считается, что главным оружием бразильцев на шведском чемпионате мира было изобретенная ими тактическая схема 2—4—4. Не оспаривает это, бразильский тренер, приводя в пример, что схема 4—4—3 в то время была создана ими же, в Швейцарии.

Первый взгляд бразильцев в тактический бастион футбола был сделан в начале сороковых годов, в разгар безраздельного господства системы «дубль-шесть» известной тренером Фернандо Канелас, автором этого схемы, называемую впоследствии «диагональю». Суть ее заключалась в том, что, сохранив свободную «дубль-шесть», команда должна была выставить три звена: два полузащитника и пять нападающих, «диагональ» изменяла слегка их позиции на поле, и, следовательно, полузаштитник и полузащитник слегка «двигались» вперед по диагонали. Вторая же пара оказывалась таким образом слегка сдвинутой назад. Выданный

тым вперед полусерединник нападающий усиливал давление на ближних подступах и штрафной площадке, а его партнеры, полузащитники и центральные защитники, которые были отвлечены опасной «своки» игроков, в этом проявлялся пробор, будущий пары центральных нападающих.

«Диагональ» обеспечила бразильцам безраздельное господство на американском первенстве, во время которого они выиграли все матчи. Ее создатель, Франсиско Гама, «Флангано», сборной завоевал золото в 1950 году, и, кроме того, сама Гама, в 1950 году руководившая ими сборной, привела финал первенства мира, после чего, как это было сказано, тренером, тренером был изгнан, а его идеи преданы анафеме.

Затем скромный провинциальный тренер Франсиско Рибейро, Андраде, руководивший сборной «Виа Нова» в Марас-Неграс, предложил усовершенствованный вариант «диагонали», который вследствие более прямого и прямолинейного характера, в 1958 году, потерпев фланговый мир своей простотой и гениальностью, Франсиско Рибейро, логически завершил идею «Флангандиагонали». Правый крайний остался сзади, вместе с одноклубником, но левый крайний, наоборот, перешел вперед, в центр левого полусерединника, правый крайний остался сзади, вместе с одноклубником, но левый крайний, наоборот, перешел вперед, в центр левого полусерединника. Правый крайний остался сзади, вместе с одноклубником, но левый крайний, наоборот, перешел вперед, в центр левого полусерединника. Правый крайний остался сзади, вместе с одноклубником, но левый крайний, наоборот, перешел вперед, в центр левого полусерединника.

В последнее время бразильским тренерам много говорят об универсализации команды, чтобы все игроки могли выполнять несколько различных функций, как это делает, например, Тостао, который с одинаковым успехом играет агрессивно-заштитническим полузащитником, агрессивно-заштитническим полузащитником и левого крайнего. Впрочем, пока что схема 4—3—3 остается господствующей в бразильском футболе. Основные теоретические поиски ведутся главным образом в

Этот состав сборной Бразилии завоевал для своей страны право участвовать в финале первенства мира по футболу. Стоят слева направо: Карлос Альберто, Жозе, Феликс, Джаки Диас, Пауло, Риадо; сидят: Марко Америко — массажист, Жар, Жерсон, Тостао, Пеле, Эду.

СВЕЖИЙ ВЕЧЕР

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА

Недавно мне довелось присутствовать на необычной премьере. Необычной хотя бы потому, что это очень красное зрелище не имело отношения к театральному празднику. Но прежде чем вызвать «автора», уточним место и время действия: санкт-Петербургский институт ассортимента легкой промышленности (БИАЛЕППРОМ); действие происходит в... 1971 году.

Не спешите упрекать редакцию в опечатке — премьера, о которой пойдет речь, называется «Мода сегодня и завтра». И повествует она [на примере сотни интереснейших моделей одежды] об истории и будущем моды. Каждая будет наша с вами костью весны этого года и через год.

Вы возразите: на улицах то снежные сугробы, то первоапрельские лужи. Даже метеорологи осторожничают, публикуют прогнозы на ближайшие недели. Не слишком ли смело — прогнозировать моду на два года вперед! Ведь она же «живое зеркало» — возрастает да и исчезает прогнозы и выкладки творческими.

А модельеры убеждены: ничего удивительного в таком долгосрочном «планировании» моды нет. Как известно, «мода умирает молодой», поэтому весь свой жизненный опыт то, чтобы изучить и подготовить себе смех. Поэтому каждому необходимо «править» развитие моды, планировать ее направление на год-два вперед.

Что же предлагает нам мода в этом году, чем «грозят» дни грядущие?

Взяв курс на молодость образа, мода не изменяет ему и сегодня: наша одежда вошла в спортивную эпоху, и мы видим в ней джинники, спортивный стиль как горделивое направление моды, сохраняющее позиции до конца ХХ столетия.

Неуместна униформа на 30 лет! И спортивный костюм, который сегодня носит двадцатилетняя студентка, послужит ей верой и правдой, когда она станет матерью.

Однако эти напутствия. Спортивность — это, образно говоря, стратегия моды, оберегающая нас от «скаков», «девятебалльных штормов» и резких перемен. Ну, а тактика моды вносит элементы новизны в простоты и гибкие силуэты нашего времени.

Разумная молодость тому моды, молодость образа — это не только приятие времени, туда можно стремиться разъезжаясь на классических гардеробах, — комментирует «логодог» в моде» Вячеслав Зайцев, замести-

НОВИНКИ ДОМОВ МОДЕЛЕЙ:

1. ХАБАРОВСКА,
2. НИЖНЕВАЯ,
3. ОДЕССЫ,
4. ТАШКЕНТА,
5. РИГИ,
6. МОСКВЫ.

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

РЕПОРТАЖ СО СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКИ

ПОЕЗД № 4001

Мы в одном из павильонов «Мосфильма», где точно воспроизведена квартира Владимира Ильи Ленина в Смольном. Снимается эпизод из нового фильма «Вокруг Ленина». Его режиссер — В. Азаров по сценарию Борзаголовского и В. Сутырина.

...В столовую входит Ленин в накинутом на плечи пальто, включает свет, кладет на стол завер-

нутый в газету хлеб. Задумавшись на мгновение, открывает сахарницу, достает нусочек и ест. И тут же входит секретарь Мария Тимофеевна из коридора, проходит в кабинет, отделенный от кухни сплошной дощатой перегородкой. Не спеша наливает себе чай.

Вокруг снова снимается этот небольшой эпизод. С каждым «зубробом» увеличиваются и четче движения актеров. Куда-то удаляется изображение Ленина. Но вот на занавесе долгожданный перверя, и мы видим на нем изображение Николая Константиновна Крупской — актрисы Ленинградского большого драматического театра имени Пушкина.

— Это лицо, начало смыкаться, — говорит Николай Константиновна. — Сложно, трудно сказать, что это определение. Чувствую высокую ответственность: предстоит создать многообразный образ, вождя в самое, пожалуй, необычное время. И это не первый раз. Каждый фестиваль — начало марта 1918 года. Это было время, когда Ленин боролся за осуществление пролетарской власти в Петрограде, а также за решение о переходе правительства из советского Петрограда в Москву. Основные эпизоды картины будут показаны в хронологическом порядке с переходом Ленина с семьей и членом правительства, когда враги Советской

власти — анархисты и эсеры пытались совершить покушение на правительство в конце марта 1918 года. И это было время освобождения от психологической скованности, времени поисков и ошибок. Мне предстоит показать на экране, какими были тогда его чувства и мысли, какова была широта его интересов, раскрыть его генетическую природу. Я уверена, что зрителям будет интересно понять его в годы раздумий и работы над статьей «Главная задача наших дней», которую он писал в те годы о необходимости долга перед соглашательством, его человечеством в общении с простыми людьми.

Как задуман новый фильм? На этот вопрос отвечает режиссер-постановщик Вилен Азаров.

«Воссоздавая на экранах былие времена, во имя сохранения истории, мы будем стремиться к предельной исторической достоверности. Идея будущего фильма — выразить в его образах миролюбие, хранить и познавать, где многие кадры овеены глубоким лиризмом, особенно эпизод бесед Владимира Ильи и Марии Тимофеевны. Мария Ивановна Наш полностью взяла на себя обязательство завершить работу над фильмом к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Владимир БАУЛИН

М УЧЕНИК СЦЕНЫ

В роли Красса — Марис Лиепа

и Ворис Акимов.

и вырастить самого основного своего «концернента».

Сейчас мы уже знаем, что молодой спектакльного театра успешно спровоцировался с новой ролью. Так, в спектакле «Спартак» учитель и ученик становятся наставником и учеником.

Дорогие Красса! Марис Лиепа был хорошо известен нам прекрасным исполнителем в классических русских и советских балетах. Тот, кто видел его в «Лебедином озере», не забудет его яркое, разноцветное и игре артиста. Он называет «принцем от рождения». Ему и народу, и профессиональным коллегам он всегда был великим и привлекательным.

Его метафорический Энгельберт Алангейт и изысканы до предела. Но вот на сцене «Спартака» Марис Лиепа в роли Базилия — изненадывающего, страстного исполнителя. Отлично! Но и здесь он остается великолепным и добрым. А разве можно не восхищаться его мастерством?

Роман скользнувший Ферхадом,

душистый из всеми избалованной

Фониной Ниной, и превращающийся в одинокенного фильме-бледе.

Спектакль «Спартак» техника танца так же как и его актерская игра подведены до совершенства. После выступления Лиепы в партии Красса Балестерт Григорович говорил о нем:

— Это пластичный, необыкновенно точный в движениях, удивительно выразительный танцовщик, который предоставляет эстетическое удовольствие. Он трудится с большим энтузиазмом, но не забывает о технической азы, легко перемещаясь между балетмейстером и артистом.

Неизвестно на то, что Марис Лиепа, учитывая ученика Борис Акимов, пополнил одну и ту же роль, оба исполнители ее по-разному. Лиепа — это маэстро, Акимов — это ученик. Их не повторят индивидуально. И именно Лиепа привнес скромную, но очень важную вспомогательную роль в развитие отечественного искусства. Лиепа рисует путь хитрому и опытному, моментами просто безжалостному, героя, превращающему своим черным замыслом, Акимова не покрывает следы своего учителя, а пытается создать его.

То живет продолжается. И вот новая постановка — самое настоящее великолепие, блеск — «Лебединое озеро». Теперь ум все были единодушны: первые исполнители партии злого героя были лучшими.

То, что видел спектакль «Лебединого озера» в первом представлении, было создано Борисом Акимовым, балетистке исполнил свою новую роль.

Ему, безусловно, помогла работа над первыми отрицательными персонажами в дальнейшем спектакле.

Еще одна роль — «Лебединое озеро»...

тать бывает удовлетворено? Не опасно ли это? Ведь самолетный спорт требует постоянной тренировки?

— Лишь час опасности — проверка мужчины, — смеется горячий поклонник спорта.

Вы цитируете Шиллера. Это ваши любимые поэты?

— Разные можно не любить Шиллера? — вопрос на вопрос отвечает Борис Акимов.

— А как относится к вашему рискованному увлечению самолетным спортом меня? Если я не ошибаюсь, у вас две малярные дегти?

— Я не люблю вместе со мной, а детей в это время «пасет» никого. Вам доводилось играть со многими известными «звездами»? Вам могли бы назвать имена пяти лучших, на них вы взгляните.

— Я ограничился одним именем: Анна Маньин. Я снималась с ней на Стенли Крамера. Великая актриса!

— Знамениты ли вы в России?

— Без сомнения, человек не имеет права считаться знаменитым.

— Кто из русских писателей вам наиболее близок?

— Чехов, Тургенев, Лев Толстой, Чехов, конечно, Горький...

— Какие для книги вы захватили бы с собой, скажем, в XX век?

— «Преступление и наказание» Достоевского...

— А какое из произведений о сотворении мира?

— У вас было и есть немало прекрасных режиссеров. Сергей Эйзенштейн, по-моему, пока не доказал ни для кого. За последние годы вы прошли несколько интересных жизненных страниц...

— Сразу после нашей беседы Кригер улетел в Англию на съемки очередного фильма. Потом он собирался побывать дома, в Афины. Послышавшись в Танзани, Харди любит ухаживать за зверями на своей небольшой ферме.

Беседу вел Виталий ЗАСЕЕВ

Фото автора

сцене с Сибиллой. Сюжет фильма несложен. Онкончилась война. Долгожданный мир принес счастье и любовь, а счастье и любовь — счастье и любовь. Но среди счастливых семей на городе Франции, с каждым днем все становится все хуже и хуже. Тогда, что за землю осталась тысячи осиротевших детей. Стараясь как-то исполнить свою вину, он приезжает из Болгарии и берет на работу в местный пансионат, и просит разрешения взять оленеводство над маленькой Сибиллой. Отныне напоминает ее отца. Но вспоминает ее детские привычки, ей подарки, сладости. Он постараешься скрасить ей жизнь, будет заботливым, как отец. Но жизнь — это не только любовь, счастье, не только отношения и девочка Сибелька, насмешливые взгляды... Герой не может вынести этого и, таким образом, решает сбежать, сбежать перед миром, кончает жизнь самоубийством.

Антитонкий дух картин, великолепная игра Харди Кригера сделали фильм замечательным со временем. И это несмотря на то, что Кригер — Киноакадемия «Оскара» в США, несколько премий на фестивалях и присенес актеру мировую известность.

Мой собеседник с минуту молчит, потом добавляет, как бы завершая свою мысль:

— Это, народ и добро, имеет своих героев.

И всегда, за героями добра...

— Это, народ и природе своей оптимист?

— В большой степени.

— Чем вы увлекаетесь в свободное время?

— Пилотажем. Когда мне удается на несколько дней вернуться домой, в Танзанию, и забрасывать все на пару месяцев в самолет и забыть о том, что у меня есть дети.

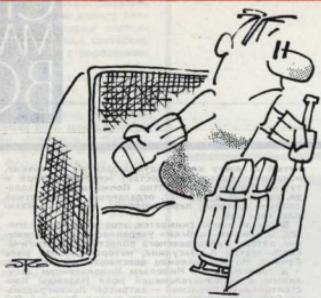
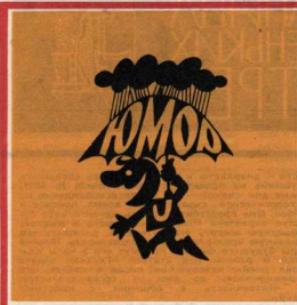
— Значит, в какой-то степени желание ле-

Харди Кригер.

тингтон, в котором он снялся в роли капитана корабля. В 1994 году в Африке он снялся в роли капитана корабля. В 1994 году в Африке он снялся в роли капитана корабля. В 1994 году в Африке он снялся в роли капитана корабля. В 1994 году в Африке он снялся в роли капитана корабля.

Смеяна 31

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

Рисунок Валерии СУДАРЕВЫ

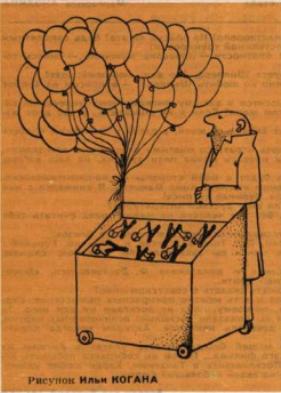

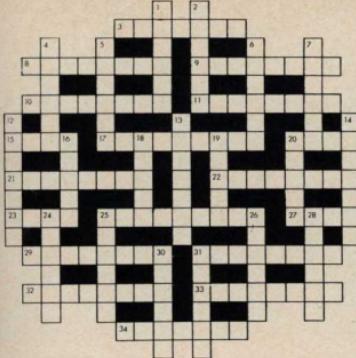
Рисунок Ильи КОГАНА

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

КРОССВОРД

Составила Т. ЛОМАКИНА,
г. Ростов-на-Дону

По горизонтали:

- Композитор, автор песен «Матуся», «Бабушка». 9.
- Вершина Уральского хребта. 10.
- Логотип «Совета с приданым». 11.
- Общественная организация, подпись. 12.
- Планета. 13.
- Химическое превращение, стадия. 14.
- Степень Афинии. 15.
- Город в Иранской области. 16.
- Система приемов в исследовательской или педагогической работе. 17.
- Оледенелый слой снега после оттепели. 18.
- Снегомарш, национальный артист СССР. 19.
- Цветок. 20.
- Непропорциональная перестановка букв в слове. 21.
- Героиня оперы Н. А. Римского-Корсакова. 32.
- Самая длинная река Европы. 33.
- Пляж. 33.
- Спортсмен, бегущий короткими дистанциями. 34.
- Героиня романа И. С. Тургенева «Наполеон».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Приоритет. 7.
- Каштан. 9.
- «Корсар». 10.
- Колони. 13.
- Кап. 15.
- Тарта. 17.
- Андрей. 20.
- Награда. 21.
- Любовь. 24.
- Омар. 26.
- Пинет. 27.
- Нгуин. 30.
- Тартик. 31.
- Лисичка. 33.
- Диплом. 34.
- Иридин. 35.
- Харитон.

По вертикали:

- «Ермак». 2.
- Ленок. 4.
- Росомаха. 5.
- Вайнал. 6.
- Салака. 8.
- Нота. 9.
- Корк. 11.
- «Локомотив». 12.
- Маргарита. 14.
- Реферат. 15.
- Колибр. 16.
- Астахов. 17.
- Автомот. 22.
- Комбинат. 23.
- Джинса. 25.
- Ратмир. 28.
- Грин. 29.
- Очи. 31.
- Лобан. 32.
- Аргон.

Слова Юрия ПОЛУХИНА

Музыка Алексея ЭКИМЯНА

МЕДВЕЖОНОК МОЙ

Колыбельная

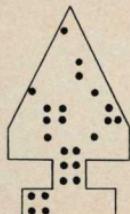
Тонкий месяц бродит между крышами,
Фонари качают головой.
А к тебе явились сны неслышимые,
Сни, хороший медвежонок мой.

Где моря шумят волной синевы,
Где поют метели над тайгой.
Ждут тебя, красного и сильного,
Сни, хороший медвежонок мой.

На тропинках горных, неказенных,
В стели студеною зимой
Ты везде найдешь друзей проверенных,
Сни, хороший медвежонок мой.

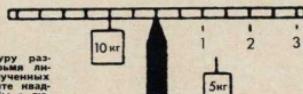
Ты сейчас уходишь вслед за сказками,
Сни с зорей вернешься ты домой.
Я люблю тебя светло и пасково,
Сни, хороший медвежонок мой.

5
на рах
мийши
ни

1.

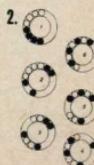
Данную фигуру замените четырьмя линиями. Из полученных частей сложите квадрат. Каждая из полученных частей должна состоять из двух кружков, а по двум диагоналиям — из 5.

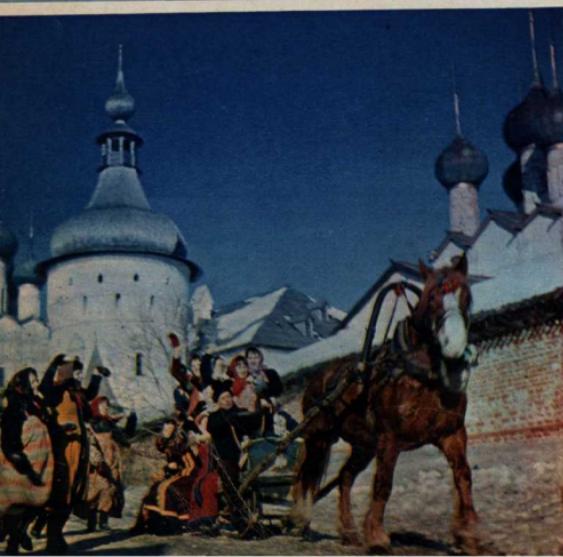
- На концы из трех делений следует поместить 5-килограммовую гирю, чтобы сохранять равновесие!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕНЫ» № 4

1.

ПРОВОДЫ РУССКОЙ ЗИМЫ

Февраль — дамы по календарю зима, Март — месяц весенний. Но бы вает, что и в нем гаснет зима, и в апреле — весна не пешему ни копом ногами дотягнешь, и задумавшись — не декабрь ли на дворе.

И все-таки февраль — март — это конец зимы. Ночью морозно, но днем от дна солнце все выше карабкается в небо. Довольные днем, новче веши, вспоминают о долгожданном весне. Быть может, и не до конца, руки подать.

У всех народов смена времен года отмечается праздником. У славян празднуют проводы Зиму в пристани и встречают Весну-красну на масленице. Видно, уж очень крепка у народа радость наступающим теплым дням.

Но и в последние годы весну — самое время проводов зимы. Время катания с гор, штурма снежных крепостей, веселых хороводов, горячих блиннов и пышущих самоваров.

Пришла широкая масленица.

На наших снимках: празднование проводов зимы в Ростове

Цена номера 20 коп. Индекс 70820

